

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Кирилл Зубков

Уваровская награда и эволюция
русской драматургии в эпоху Александра II

СЦЕНАРИИ ПЕРЕМЕН

Научная библиотека

Кирилл Зубков

**Сценарии перемен. Уваровская
награда и эволюция русской
драматургии в эпоху Александра II**

«НЛО»

2021

Зубков К. Ю.

Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II / К. Ю. Зубков — «НЛО», 2021 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-44-481601-1

В 1856 году известный археолог и историк Алексей Сергеевич Уваров обратился к членам Академии наук с необычным предложением: он хотел почтить память своего недавно скончавшегося отца, бывшего министра народного просвещения С. С. Уварова, учредив специальную премию, которая должна была ежегодно вручаться от имени Академии за лучшую пьесу и за лучшее исследование по истории. Немалые средства, полагавшиеся победителям, Уваров обещал выделять сам. Академики с благодарностью приняли предложение мецената и учредили первую в России литературную премию. В книге Кирилла Зубкова Уваровская премия становится своеобразным ключом, открывающим доступ к многочисленным проблемам литературной и социальной истории. Ее изучение позволяет автору поставить вопросы о соотношении литературы и театра, драматургии и общества, профессиональной и любительской литературы, о влиянии развивающихся общественных институтов эпохи «Великих реформ» на драматургию того времени, о связях хрестоматийных драматических произведений с развитием национализма и исторического мышления. Работа основана на ранее не вводившемся в научный оборот архивном материале. Кирилл Зубков – кандидат филологических наук, доцент НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома).

ISBN 978-5-44-481601-1

© Зубков К. Ю., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1	30
I. Язык описания: институт премий в XIX веке между экономикой и политикой	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кирилл Зубков

Сценарии перемен Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа началась как преимущественно архивное разыскание, целью которого было ввести в научный оборот ранее не печатавшиеся отзывы ученых и критиков о нескольких известных пьесах. Со временем масштаб исследования рос, а его фокус менялся. Уваровская премия оказалась для меня своеобразным ключом, давшим доступ к многочисленным вопросам литературной и социальной истории. Хотя значимость для развития литературы самой премии можно поставить под сомнение, ее изучение позволяет сформулировать общие вопросы – о соотношении литературы и театра, искусства и общества, профессионального и любительского творчества, о влиянии развивающихся общественных институтов эпохи «Великих реформ» на драматургию этой эпохи, о связях хрестоматийных драматических произведений с развитием национализма и исторического мышления. Сложное переплетение этих проблем озадачивает исследователя, обратившегося к текстам русских пьес второй половины XIX века и к истории бытования этих пьес в России тех лет, – проблем, которые не позволяют ограничиться лишь публикаторскими задачами.

Постепенно передо мною начала вырисовываться картина эволюции русской драматургии времен Александра II, когда творческое воображение отдельных авторов было неотделимо от социальных и исторических процессов эпохи. Картина эта была, с одной стороны, хорошо знакома ученым: именно о связях литературы и общества историки русской литературы писали со времен Шевырева и Никитенко – и в то же время необычна: литература в ней не «отражала» общество или идеологию отдельных групп и не обращалась к «вечным» вопросам как бы поверх злободневной повестки дня.

Одной из основных предпосылок моей работы стало убеждение, что невозможно ограничиваться имманентным изучением поля литературы. Это противоречит как современным представлениям о значении гуманитарных и социальных дисциплин, так и самому материалу. Как сказали бы русские формалисты, «литературный ряд» сложным образом соотносился с внешними рядами, в некоторых аспектах оказываясь от них автономным, а в других вписываясь в логику их развития. Более того, сами участники литературного процесса, как выяснилось, внимательно следили за общественными и политическими процессами и сознательно пытались в них участвовать. В конечном счете, история первой литературной премии в России оказалась захватывающим и сложным феноменом, в котором как в капле воды отразились многие ключевые проблемы становящейся публичной сферы.

Я не смог бы поставить и тем более разрешить задачи, сформулированные в этой книге, без щедрой помощи моих коллег и друзей. Я благодарен Абраму Рейтблату, на раннем этапе порекомендовавшему мне двигаться в сторону большей концептуальности и опубликовать книгу в издательстве «Новое литературное обозрение», и Ирине Прохоровой, согласившейся ее напечатать. Маргарита Вайсман, Алексей Вдовин, Юлия Красносельская и Андрей Федотов внимательно прочитали текст этой книги на разных этапах работы над ней и высказали ценные замечания. Роберт Ходель любезно пригласил меня в Гамбургский университет, где я смог познакомиться с научной литературой по истории литературных премий в странах Западной

Европы. Многие работы по истории драматургии и театра я прочитал в Нью-Йорке благодаря возможности, предоставленной мне Джордан-Центром при Нью-Йоркском университете. Особенно я признателен Энн Лонсбери, которая сообщила мне об этой возможности. Илья Бендерский, Александр Дмитриев, Татьяна Костина, Светлана Новикова и Марина Пантина давали мне ценные советы по части научной литературы в тех областях, в которых я не специализируюсь, и помогали с доступом к библиотекам. Редактор Алла Бурцева проделала огромный труд, значительно доработав книгу. Сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и Рукописного отдела Института русской литературы Российской академии наук помогли мне ознакомиться со множеством важнейших для исследования документов и сочувственно относились к моим многочисленным пожеланиям. Наконец, участники научных конференций, на которых я представлял промежуточные результаты исследования, терпеливо слушали мои бесконечные доклады о разных аспектах истории Уваровской премии и высказывали свои соображения, многими из которых я воспользовался в ходе исследования. К сожалению, здесь я не могу перечислить всех этих людей.

Особую благодарность я испытываю к бывшим и настоящим студентам, которые искренне заинтересовались моими исследованиями: их внимание и поддержка были для меня особенно важны. Анастасия Перникова участвовала в первом моем проекте, посвященном истории Уваровской премии, и активно работала с архивами премии, защитив магистерскую диссертацию на тему «Уваровская награда для драматургов в истории русской критики (на материале отзывов об А. Н. Островском)» (СПбГУ, 2018). В ходе работы мы опубликовали несколько ценных документов, хранящихся в СПбФ АРАН. С разрешения Анастасии я воспользовался некоторыми ее соображениями (разумеется, везде ссылаясь на ее диссертацию). Екатерина Вожик и Мария Лихина ознакомилась с текстом книги и помогли мне его доработать.

Разумеется, все недостатки книги остаются на моей совести.

Все цитаты даны в современной орфографии и пунктуации за исключением случаев, когда модернизация помешала бы их пониманию. Подчеркивания и разрядка в источниках переданы курсивом.

В книгу вошли значительно переработанные материалы, использованные в публикациях:

1) Литературные премии, социальные границы и национальный театр: крестьянин в русской драматургии эпохи «Великих реформ» // *Russian Literature*. 2021. Vol. 119. P. 71–101 (совместно с А. С. Перниковой).

2) И. А. Гончаров и награда графа Уварова // *Русская литература*. 2018. № 4. С. 60–77.

3) Экспертный корпус Уваровской премии для драматургов: Состав и эволюция // *Карабиха: историко-литературный сборник*. Вып. X. Ярославль, 2018. С. 92–118.

4) Островский, «обличительная» драматургия и цензура Третьего отделения // А. Н. Островский: материалы и исследования: Сб. науч. тр. Вып. 4. Иваново, 2013. С. 64–71.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего, эта книга посвящена связям между литературой и обществом в Российской империи времен Александра II. Предлагаемый нами взгляд на эту проблему в современном исследовании может показаться необычным. Согласно влиятельной статье У. М. Тодда III «The Ruse of the Russian Novel»¹, русская литература обязана своим значением не развитию русского общества, а недостатку этого развития. Во-первых, великие русские романы этого периода были отчетливо архаичны; во-вторых, сложившиеся институты, такие как профессионализация писателей или читающая публика, были нестабильны; в-третьих, писатели, в первую очередь Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, последовательно проводили радикальную критику социальных институтов своего времени (характерным примером может послужить сцена суда в «Братьях Карамазовых»)². Наша работа предполагает во многом иной взгляд на отношения литературы и общества. По нашему мнению, российские писатели не только подвергали современные им социальные институты резкой критике или сокрушались по поводу их отсутствия. Многие авторы, напротив, пытались участвовать в развитии и становлении этих институтов, предлагая обществу модели и образцы для самоконструирования и самоосмысления, по крайней мере, далеко не во всем определявшиеся влиянием государства. В свою очередь, российские ученые, критики и даже цензоры внимательно искали эти модели и подчас пытались ими пользоваться. В особенности заметна установка на взаимодействие с обществом в драматургии, которая в силу самой своей специфики буквально обращена к людям, собравшимся в зрительном зале. Разумеется, общество, которому адресованы произведения драматургов середины XIX века, было совершенно иным, а то послание, которое могут нести их произведения, на вкус современного читателя может показаться странным или даже аморальным. Однако это не отменяет важного факта: русская драматургия XIX века самими ее деятелями и многими зрителями воспринималась как важный социальный институт: пьесы были не только словесными конструкциями, но и ответственными и значимыми высказываниями по вопросам общественной и политической жизни. Чтобы показать это, мы обратимся к истории одного почти забытого предприятия.

В 1856 году известный археолог и историк Алексей Сергеевич Уваров обратился к членам Академии наук с необычным предложением. Уваров хотел почтить память своего недавно скончавшегося отца, бывшего министра народного просвещения С. С. Уварова, учредив специальную премию, которая должна была ежегодно вручаться от имени Академии за лучшую пьесу и за лучшее исследование по истории. Немалые средства, полагавшиеся победителям (3000 рублей в год), Уваров обещал выделять сам. Академики с благодарностью приняли предложение мецената. Такая деятельность, очевидно, соответствовала их представлениям о том, чем должно было заниматься «первенствующее ученое сословие в России» – так гордо именовалась Академия наук в своем уставе. К тому же Демидовская премия, учрежденная знаменитым торговцем П. Н. Демидовым за достижения в разных областях науки, оказалась вполне

¹ В русском переводе, на который мы ссылаемся далее, не передана отсылка к названию знаменитой книги: Watt I. The Rise of the Novel. Studies in Defoe, Richardson and Fielding. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1957. Вместо описания триумфального развития романа в Англии Тодд предлагает описание своего рода ловушки, в которую попадает исследователь, пытающийся прочитывать русский роман по аналогии с западным.

² См.: Todd У. М. III. Русский контрапункт в истории романа // Тодд У. М. III. Социология литературы: институты, идеология, нарратив. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. С. 11–45.

успешным опытом и к моменту, когда Уваров решил создать новую награду, вручалась уже 15 лет. С личного разрешения недавно вступившего на престол Александра II учредить награду началась история Уваровской премии.

Академики, впрочем, сразу заметили, что Уваровская премия будет вручаться в несколько непривычных номинациях. Если награждения выдающихся ученых для членов Академии были не в новинку, то традиции специальных премий для литераторов в России фактически не существовало. Специальные академические медали, которыми зачастую награждали писателей в первой половине XIX века, не были в собственном смысле литературной премией и скорее функционировали как форма меценатства, одновременно поощряя особенно заслуженных литераторов и поддерживая нуждающихся писателей. Прямого отношения к оценке заслуг с точки зрения той или иной литературной группы и выстраиванию иерархии писателей, с которыми сейчас чаще всего ассоциируются премии, эти награды не имели³. Демидовская премия, учрежденная за несколько десятилетий до Уваровской, тоже не была предназначена для писателей. Показателен эпизод, когда сам ее учредитель предложил Академии, распределявшей премии, наградить Н. В. Гоголя как автора пьесы «Ревизор», однако получил отказ на том основании, что в уставе не предполагалось номинации для писателей⁴.

Уваровская награда, таким образом, оказалась первой в истории России литературной премией.

Процедура распределения Уваровских премий может показаться современному читателю очень знакомой благодаря Нобелевской премии, которая восходит к той же традиции (см. главу 1): вручение назначенных состоятельным благотворителем наград осуществлялось формально независимой государственной академией, не обязанной подробно мотивировать причины своего решения, за исключением краткой характеристики победителя. В то же время процесс награждения, конечно, не был полностью идентичен современному порядку. Авторы должны были подавать свои произведения самостоятельно, либо под своим именем, либо под «девизом» – своеобразным псевдонимом, скрывавшим подлинного автора до объявления победителя. После этого специальная комиссия, избранная голосованием на общем собрании Академии наук, должна была отобрать произведения, соответствующие условиям конкурса, и назначить им рецензентов – из числа самих академиков или посторонних людей. Получив отзывы о каждой пьесе, комиссия обсуждала их и принимала решение, кого наградить.

Несмотря на многочисленные сложности, связанные с награждением за лучшую пьесу, конкурсы среди драматургов проводились в течение двадцати лет – с 1856 по 1876 г., пока Уваров не прекратил поддерживать эту номинацию (награды по истории вручались и позже). Академики не были обязаны каждый год вручать награды и проявили исключительно строгое отношение к претендентам на победу: в итоге за двадцать лет приза удостоились лишь четыре пьесы: «Гроза» А. Н. Островского (1860), «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского (1860), «Грех да беда на кого не живет» того же Островского (1863) и «Разоренное гнездо» Д. И. Минаева, также известное под названием «Спетая песня» (1874). Тем не менее роль награды в истории литературы не столь уж мала: во-первых, определенным значением обладает уже сам факт появления таких премий, а во-вторых, история их распределения дает исследователю уникальную возможность заглянуть в историю русской драматургии, в том числе тех функций, которые выполняли пьесы в жизни русского общества того времени.

Сейчас Уваровская премия главным образом известна благодаря тому, что ею был награжден А. Н. Островский за драму «Гроза». Этот факт время от времени упоминается даже в школьных учебниках литературы. Еще более знаменателен он становится, если учесть, что

³ См.: Рейтблат А. И., Дубин Б. В. Литературные премии как социальный институт // Критическая масса. 2006. № 2. С. 8–16.

⁴ См.: Мани Ю. В. Гоголь. Кн. 2. На вершине: 1835–1845. М.: РГГУ, 2012. С. 80–83.

по заказу Академии отзыв на пьесу Островского сочинил И. А. Гончаров. Рецензия Гончарова много раз перепечатывалась, в том числе в популярных изданиях, и, несмотря на свою краткость, периодически цитируется в научных работах. Впрочем, этим внимание исследователей к премии практически исчерпывается. Как самостоятельный объект изучения Уваровская премия очень редко привлекала внимание ученых. Среди немногочисленных работ можно назвать указанную выше статью Б. В. Дубина и А. И. Рейтблата, где дана значимая интерпретация премии в контексте истории институтов литературы, а также публикации М. Ф. Хартанович, основанные на архивном материале, однако не свободные от фактических неточностей⁵. История премии затрагивается также в статье В. В. Тихомирова, преимущественно посвященной творчеству А. Н. Островского⁶. В то же время даже авторитетные издания по истории литературы, театра и Академии наук пестрят многочисленными ошибками: неточно сообщаются не только малодоступные архивные сведения, но и то, в какие годы вручались награды⁷. Даже сами тексты поданных на конкурс пьес остаются неизвестны исследователям. Так, в недавней статье современный историк литературы реконструировал жизненный и творческий путь забытого поэта П. Я. Шаршова (Шаршавого) – однако не упомянул о его участии в Уваровском конкурсе, хотя неопубликованная пьеса Шаршова, хранящаяся в архиве Академии наук, по объему едва ли не больше, чем все найденные ученым произведения поэта вместе взятые⁸.

Незначительное количество посвященных Уваровской премии работ особенно удивительно, если учесть обилие сохранившегося архивного материала, связанного с ней. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук сохранились практически все относящиеся к премии материалы, включая деловую переписку, протоколы заседаний распределявшей премии комиссии, рукописи пьес и отзывов на них. Немногочисленные отсутствующие в этом архиве материалы, преимущественно черновые автографы отзывов А. В. Никитенко, находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.

Архивный фонд премии содержит исключительно ценный с историко-литературной точки зрения материал. Коллекция пьес, поданных на конкурс, представляет уникальный срез русской драматургии XIX века. Здесь есть произведения и ведущих драматургов своего времени, и никому не известных любителей, и плодовитых сочинителей, многочисленные пьесы которых составляли основу репертуара русской сцены, но в литературу не входили. Картина, открывающаяся перед читателем этих пьес, – это возможность познакомиться с никак не отфильтрованной драматургией. Публиковавшиеся на страницах периодических изданий произведения подвергались предварительной проверке и правке редакции, а до 1865 г. – еще и предварительной цензуре (для большинства изданий, где могли печататься пьесы, она была впоследствии отменена). Поставленные на сценах российских театров пьесы проверялись еще более тщательно – здесь действовали не только собственно сотрудники театров, но и чиновники драматической цензуры, намного более строгой, чем литературная. К тому же в 1856 г. был учрежден специальный Театрально-литературный комитет, состоявший из представителей театральной администрации, актеров и литераторов и занимавшийся предварительной оценкой пригодности пьес для постановки. Напротив, в архивах академической комиссии, распределявшей премии, сохранились практически все отправленные на конкурс рукописи, не

⁵ См.: Хартанович М. Ф. Награды графа Уварова в Императорской Академии наук // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков. СПб.: Наука, 2010. С. 312–324. О премии в области истории см.: Левин Д. Э. Уваровские награды // Клио. 2017. № 1. С. 18–53.

⁶ См.: Тихомиров В. В. А. Н. Островский – лауреат литературных премий // Тихомиров В. В. От А. Н. Радищева до Л. Н. Толстого: статьи о русской литературе и литературной критике: Сб. науч. ст. Кострома: КГУ, 2015. С. 189–200.

⁷ См., например: История Академии наук СССР: В 3 т. Т. 2 (1803–1917). М.; Л.: Наука, 1964. С. 279.

⁸ См.: Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения (статьи 1997–2017 годов). СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017. С. 246–260.

подвергавшиеся никакому отбору. Поданные на премию печатные издания были переданы в Библиотеку Академии наук; все они также доступны читателю, перед которым открывается поразительный диапазон методов сюжетостроения, приемов поэтики, идеологических формул, авторских стратегий и проч., по разнообразию намного превышающий то, с чем можно столкнуться, например, просматривая литературные журналы этой эпохи.

Еще важнее многообразие самих типов авторства и творчества. Перед читателем поданных на конкурс сочинений не просто более или менее удачные, талантливые или актуальные произведения – перед ним множество вариантов того, что вообще такое пьеса в России XIX века: кто мог быть ее автором, по каким правилам и законам она могла быть написана, что она должна была репрезентировать, кто должен был ее читать и/или смотреть, что для нее было важнее: публикация или постановка на сцене. Эти различные версии того, какой могла бы быть драматургия, сосуществовали в одно и то же время, хотя были ориентированы на практически несовместимые ценности. В чем-то эти проекты развития драматургии смыкались (например, подавляющее большинство авторов исторических пьес явно видело прямые параллели между Смутным временем и современностью и пытались эти параллели представить на сцене). Однако в других случаях разные типы драматургии совершенно расходились: например, принципиально несовместимы, видимо, были представления разных авторов о том, возможно ли для драматурга напрямую обращаться к актуальным общественно-политическим вопросам.

Конечно, на конкурс подавались далеко не все драматические произведения. Так, положение о премии исключало участие в нем водевилей и коротких комедий, сыгравших значимую роль в истории русского театра⁹. Тем не менее не отфильтрованный несколькими инстанциями корпус текстов намного более показателен, чем опубликованные или поставленные пьесы. Исчерпывающее понимание того, какие типы драматургии были возможны в литературе середины XIX века, остается, конечно, недостижимой мечтой, однако анализ участвовавших в соревнованиях пьес позволил бы хотя бы к нему приблизиться. К тому же пьесы иногда подавались на конкурс в редакциях, отличных от опубликованных. Если, например, отличия поданных на конкурс пьес Островского от их опубликованных текстов обычно малозначительны, то некоторые произведения менее известных авторов, таких как Р. М. Зотов, очень существенным образом правились. Как содержание такой правки, так и причины, по которым далекие от литературы тексты было намного легче анализировать, представляют интересный материал для исследователя.

Как становится особенно ясно при чтении поданных на конкурс пьес, русская драматургия середины XIX века, за исключением произведений, написанных А. Н. Островским, А. Ф. Писемским, А. В. Сухово-Кобылиным, А. К. Толстым, А. А. Потехиным, до сих пор практически не изучена. Огромные пласты драматической литературы, написанной специально для сцены, не становятся предметом исследования, хотя немногочисленные посвященные им работы ярко демонстрируют, насколько такие «второстепенные» пьесы могут изменить наше представление об истории литературы и о значении творчества известных драматургов¹⁰.

В своей работе мы не пытаемся разоблачить «большую» литературу, выставив ее формой подавления других типов творчества (в Заключении мы попытаемся обосновать эту позицию). В то же время мы не стремимся и к обратному – показать значение «великих» произведений, привлекая остальные в качестве «фона». На наш взгляд, намного интереснее пытаться проследить реальное, менее линейное взаимодействие этих произведений, проявляющееся на разных уровнях и не сводимое к единой схеме. Такой анализ позволит показать, зачем люди

⁹ Katz M. F. A. Koni und das russische Vaudeville. Zur Geschichte des Unterhaltungstheaters in St. Petersburg. 1830–1855. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012.

¹⁰ См.: Степанов А. Д. Психология мелодрамы // Драма и театр: Сб. научн. тр. II. Тверь: Тверской ун-т, 2000. С. 38–55; Миловзорова М. А. Формообразование русской драмы: традиции сценической литературы 1830–1840-х годов и творчество А. Н. Островского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003; Katz M. Op. cit.

того времени могли писать драматические произведения, чего они пытались добиться, сочиняя их, как общество ограничивало или, напротив, поддерживало их попытки. При таком подходе и интерпретация «Грозы» Островского, и сложные отношения Р. М. Зотова с драматической цензурой – одинаково интересные и заслуживающие внимания вопросы.

Сохранившиеся материалы по истории Уваровской премии интересны и с другой точки зрения. В архиве массив поступивших на конкурс пьес доступен читателю не просто в «сыром», неорганизованном виде: существуют еще и рецензии на большинство из них, написанные членами академической комиссии и приглашенными экспертами. Дело, конечно, не в том, насколько справедливы эти отзывы, – благодаря им становится понятно, как образованные современники, принадлежащие к литературным и научным кругам, могли воспринимать поданные на конкурс драмы. Исследователь видит не просто мозаику из различных элементов литературной системы: ему открывается доступ к механизмам рецепции и функционирования этих элементов, которые, собственно, и соединяют их, давая возможность говорить о существовании единого, внутренне связного «литературного ряда» (Ю. Н. Тынянов). В этой связи внимание привлекают не только традиционные, вписывающиеся в современные представления о литературной критике рецензии, но и пренебрежительные отзывы о «плохих», «бездарных», «нелепых» произведениях. Такие отзывы ясно демонстрируют, какие типы творчества и авторства казались приемлемыми представителям наиболее влиятельных в «высокой» литературе того времени групп (здесь и далее под «высокой» литературой мы будем иметь в виду произведения, печатавшиеся в толстых литературных журналах, а не в дешевых книжках для народа и тому подобных изданиях), а какие исключались из этой литературы – не в силу своего якобы низкого качества, а за счет целенаправленных усилий совершенно определенных людей.

Впрочем, с точки зрения более традиционной истории литературной критики многие написанные для Уваровского конкурса отзывы все же представляют серьезную ценность. Академики приглашали известных писателей, в том числе таких влиятельных критиков, как А. В. Дружинин или П. В. Анненков, рецензии которых на поступившие на конкурс пьесы до сих пор не были введены в оборот и остаются неизвестными специалистам по творчеству этих авторов. Согласно условиям конкурса, публиковались только рецензии на победившие пьесы (вероятно, с целью пощадить самолюбие неуспевших драматургов). При этом отзывы Анненкова на поступившие на конкурс пьесы, например, не менее значительны и почти так же многочисленны, чем опубликованные высказывания критика, относящиеся к современной ему драматургии. Особый интерес представляют рецензии, сочиненные профессиональными историками: по ним становится заметно, как нормы литературно-критического дискурса используются представителями других групп, не включающих профессиональных литераторов.

На страницах предлагаемой книги часто приводятся пространные цитаты из написанных для премии отзывов, литературно-критических статей, цензорских заключений. Понимая, что это может утомить читателя, мы не способны отказаться от такого цитирования. Суждения людей XIX века о литературе сейчас тяжело воспринимать главным образом в силу того, насколько шокирующе чуждыми и странными они могут быть. На наш взгляд, именно непривычность этих суждений и открывает путь к интерпретации пьес, по поводу которых они сделаны, – не потому, что современники всегда лучше нас понимают литературные произведения (хотя автор этих строк и убежден, что ни один исследователь, например, не разбирался в русской драматургии XIX века лучше, чем Анненков), а потому, что современники мыслят литературу в тех же категориях, что и авторы. «Переводя» на наш язык эти категории, можно, как кажется, приблизиться и к пониманию ключевых вопросов, беспокоивших писателей позапрошлого столетия.

Однако те же самые высказывания литераторов XIX века, если потрудиться их понять, могут звучать и поразительно современным образом. Некоторые главы этой книги могут показаться попыткой «вчитать» в русскую драматургию прошлого проблематику второй поло-

вины XX или начала XXI столетия – конструктивистскую теорию национализма, критику историзма и исторического мышления или авангардное отрицание литературного произведения как эстетического объекта. Однако в действительности все эти проблемы были вполне релевантны для критики времен Островского и Алексея Толстого, хотя и выражались с помощью другого понятийного аппарата. Приводя высказывания литераторов прошлого, мы стремимся показать, что русская литература XIX века была не только очень далекой от нас, но в то же время и намного более актуальной для современного исследователя, чем может показаться, например, читателю вузовского учебника, где разбирается творчество Островского или Писемского.

Наконец, Уваровская премия может послужить ключом к социальной истории русской литературы середины XIX века. Поданные на конкурс пьесы, их обсуждения в академической комиссии, реакция прессы на награждение или ненаграждение отдельных произведений существовали не изолированно: в них отражались общие принципы функционирования театральной дирекции, редакций толстых журналов и газет, литературного сообщества в целом, а также таких организаций, как Академия наук, университеты, драматическая цензура и проч. Члены этих сообществ и организаций, конечно, играли по очень разным правилам, и едва ли возможно найти общую почву для их обсуждения в какой-либо области, кроме социальной истории.

Итак, сама тематика нашего исследования подталкивает к тому, чтобы обращать внимание на две сложным образом соотносящиеся проблемные линии: историю литературы и социальную историю. Литературные премии – это, конечно, общественное явление, и в этом качестве их и надлежит изучать. В то же время различные награды обладают принципиальным значением для выработки внутренней системы ценностей, ориентиров и авторитетов в собственно литературном поле. В этой связи мы с необходимостью должны обратиться к очень старой проблеме связи литературы и общества.

Проблема социальных функций литературы удивительным образом остается на втором плане у историков литературы второй половины XIX века. Обсуждение общественных проблем долгое время воспринималось как едва ли не наиболее значительная задача исследователя этого периода. А. Н. Пыпин некогда писал: «...самый рост новейшей литературы, все более проникавшей в социальные явления, создавал представление об истории литературы как отражении исторических процессов жизни общества»¹¹. Пересматривавшие подход, характерный для Пыпина и его современников, исследователи в подавляющем большинстве сосредоточились на изучении литературы других периодов, в то время как «реалистическая» литература осталась как бы за бортом этого пересмотра. Если, например, специалисты по пушкинской эпохе несколько раз переходили от имманентной истории литературы к социологическим методам и обратно, то научная история литературы второй половины XIX века в течение длительного времени как бы оставляла собственно социальные вопросы «за скобками» – как само собою разумеющиеся, но не заслуживающие серьезного обсуждения. Обсуждать, например, социальные проблемы в романах И. А. Гончарова или И. С. Тургенева считается банальностью и воспроизведением добролюбовского (или «советского») подхода – неудивительно, что в большинстве серьезных работ о творчестве писателей эти проблемы и не поднимаются. Вряд ли кто бы то ни было может отрицать, что, скажем, для понимания «Отцов и детей» требуется знание исторического и социального контекста, – однако изучать этот контекст многие исследователи не считают актуальной и значимой задачей (разумеется, мы не имеем в виду, что все без исключения специалисты по творчеству Тургенева придерживаются такой позиции). В итоге социальное измерение русской литературы второй половины XIX века остается

¹¹ Пыпин А. Н. История русской литературы: В 4 т. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Т. 1. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1901. С. III.

в целом белым пятном, а вместе с ним и множество ценных источников, – показательно невнимание исследователей к материалу по истории Уваровской премии, о котором речь шла выше. Историки литературы не обращают внимания даже на легко доступные и хорошо известные архивные материалы, публикации в периодике и проч.

Драматургия второй половины XIX века в этом отношении изучена особенно слабо. Русской лирике и нарративной прозе этого периода посвящены, например, классические работы Л. Я. Гинзбург, во многом до сих пор легитимирующие сложный, многофакторный подход, который учитывает многообразие исторических и социальных факторов, участвующих в литературном эволюции¹². Однако аналогичных по значению и влиянию исследований в области драматургии не существует. Особенно заметна разница в последнее время. Едва ли не каждый год на разных языках выходят все новые и новые оригинальные работы о лирике и повествовательной прозе изучаемого нами периода, открывающие новые перспективы их изучения¹³. На этом фоне особенно плачевно положение истории драмы, где последние обобщающие исследования появились в 1980-е гг.¹⁴ Разумеется, регулярно публикуются все новые и новые работы о творчестве отдельных авторов¹⁵, однако обобщающих исследований истории русской драмы откровенно мало, а существующие обычно носят достаточно локальный характер или скорее посвящены не драме, а театру¹⁶.

Как кажется, нежелание изучать литературу второй половины XIX века в социальном измерении и лакуны в области истории драматургии – тесно связанные феномены. Игнорировать прямое обращение драматургов этого периода к общественным проблемам практически невозможно: ни писатели, ни критики, ни цензоры никогда не упускали случая подчеркнуть особую социальную роль театра и особую ответственность драматурга (см. об этом ниже). Автор этой работы считает актуальной задачей пересмотр именно этих двух тенденций: обращаясь к истории драматургии, необходимо вновь говорить и об истории общества. Собственно историко-литературные задачи в этом случае вряд ли можно отделить от изучения истории общества.

Литературная премия в нашей работе будет рассматриваться как значимый социальный институт, который, по крайней мере в теории, должен был способствовать развитию литературы и театра. Нас будет интересовать как внутреннее устройство, функционирование и эволюция организации, ответственной за распределение наград, так и те аспекты в истории русской драматургии этого периода, которые наиболее отчетливо просматриваются сквозь призму премии. Исследователи институциональной истории литературы часто разграничивают понятия «институт» и «организация» – более обобщенную и абстрактную единицу и конкретный, бюрократически организованный аппарат¹⁷. В нашем случае мы попытаемся выяснить, какие институциональные проблемы можно увидеть в истории одной организации – единственной премии изучаемого нами периода. Соответственно, ключевой проблемой нашего исследования станет то, каким образом литературные институты связаны с эволюцией русской драматургии.

¹² См.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Изд. 2-е, доп. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 172–242; Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. С. 35–130, 269–442.

¹³ См., например: Somoff V. The Imperative of Reliability: Russian Prose on the Eve of the Novel, 1820s-1850s. Evanston: Northwestern UP, 2015. Brunson M. Russian Realisms: Literature and Painting, 1840–1890. DeKalb: Northern Illinois UP, 2016; Русский реализм XIX века: Мимесис, политика, экономика: Сб. ст. / Под ред. М. Вайсман, А. Вдовина, И. Клигера, К. Осповата. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

¹⁴ См.: История русской драматургии (Вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. Л. М. Лотман. Л.: Наука, 1987; Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.

¹⁵ Отметим, в частности, принципиально новый взгляд на творчество А. Н. Островского, предложенный в статьях О. Н. Купцовой.

¹⁶ См., например: Shuler C. Theatre and Identity in Imperial Russia. Iowa: University of Iowa Press, 2009.

¹⁷ См., например: Hohendahl P. U. Building a National Literature. The Case of Germany, 1830–1870. Ithaca, NY; London: Cornell UP, 1989. P. 1–44.

Речь будет идти в первую очередь не о какой бы то ни было форме «социального заказа» или давления на авторскую волю со стороны – хотя и такие эпизоды будут в этой работе встречаться. Мы попытаемся описывать социальные институты скорее не как некую внешнюю силу, действующую на авторов, а как интегральную составляющую литературного процесса, активно участвующую в самом становлении и развитии литературы и авторства.

Институт мы будем понимать в максимально широком смысле – как инстанцию, промежуточную между индивидом и обществом, отвечающую определенным потребностям и способную к самовоспроизводству. Существует множество исследований, посвященных как институциональной природе литературы в целом, так и отдельным институтам¹⁸. Количество и многообразие предлагаемых в научной литературе по этому вопросу подходов таково, что с трудом поддается обзору: достаточно сказать, что в качестве значимых институтов могут рассматриваться и сама литература, и отдельные жанры, и, например, тяжелая добывающая промышленность в немецких странах эпохи романтизма¹⁹. Особое внимание исследователи уделяют толстому литературному журналу, во многом наиболее значительной форме бытования литературы середины XIX века²⁰. Как мы покажем, именно с толстым литературным журналом наиболее тесно связано развитие русской драматургии, и академики не смогли избежать влияния журналистики, как бы им того ни хотелось. Для нашей работы наиболее полезными оказались исследования того, как институциональная организация литературного поля могла соотноситься с позицией отдельных участников литературного процесса и с поэтикой отдельных произведений: иными словами, наш анализ находится между описаниями отдельных сообществ и исследованием социальных функций произведения искусства²¹. На русском материале этому посвящена до сих пор значимая книга У. М. Тодда III, где, однако, речь идет о литературе более раннего периода, а драматургия практически не упоминается²². Сборник статей этого же исследователя, связанный с теми же вопросами, прежде всего посвящен произведениям Достоевского и Льва Толстого²³. Отдавая себе отчет в том, что хоть сколько-нибудь исчерпывающий анализ всех институтов, определяющих историю русской драматургии, в пределах одной работы невозможен, мы все же попытаемся рассматривать историю Уваровской премии в историческом и институциональном контексте.

Автор этой книги прежде всего воспринимает себя как историка литературы, к целям которого относятся реконструкция историко-литературных процессов и интерпретация отдельных произведений. Однако на современном этапе развития науки, как кажется, этих целей невозможно достигнуть, игнорируя тот факт, что литература представляла и представляет собою социальный институт, выполняющий определенные общественные функции в определенном историческом контексте. Фернан Бродель некогда начал свое «Средиземноморье» с главы, посвященной роли гор в истории региона: по мнению великого историка, без этого обстоятельства ни экономическая, ни политическая история Средиземноморья непостижима. На наш взгляд, те исторические и общественные условия, в которых развивалась русская литература, составляют те базовые условия, без которых нельзя до конца постичь, кто, как и зачем писал, читал, ставил и смотрел русские пьесы XIX века. В то же время мы не пытаемся

¹⁸ См., например: Hohendahl P. U. The Institution of Criticism. Ithaca, NY: Cornell UP, 1982; Реймблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

¹⁹ См.: Дубин Б. В., Гудков Л. Д. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994; Ziolkowski T. German Romanticism and Its Institutions. Princeton: Princeton UP, 1992.

²⁰ См.: Literary journals in Imperial Russia / Ed. D. A. Martinsen. Cambridge; New York: Cambridge UP, 1997; Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830-х–1870-х гг. М.: МАКС Пресс, 2005; Frazier M. Romantic Encounters: Writers, Readers, and the Library for Reading. Stanford: Stanford UP, 2007.

²¹ См.: Ziolkowski T. German Romanticism and Its Institutions. P. 7–13.

²² Todd У. М. III. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб.: Академический проект, 1996.

²³ Todd У. М. III. Социология литературы: институты, идеология, нарратив. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020.

выполнять работу социологов или театроведов: целью мы ставим не растворить историю литературы в других дисциплинах, а обогатить ее, задавая хорошо забытые вопросы и обращаясь к несправедливо мало изученному материалу.

Вместо традиционных для истории литературы вопросов, «как сделано» то или иное произведение или из чего оно сделано, мы пытаемся сфокусироваться на вопросе, что оно делает, каковы его социальные функции. Обычно такой подход противопоставляется медленному чтению отдельных произведений или традиционным историко-литературным исследованиям²⁴. С нашей же точки зрения, изучение социального измерения литературы позволяет не отбросить эти более традиционные подходы, а, напротив, усовершенствовать их и увидеть даже в широко известных произведениях проблемы, ранее не привлекавшие внимания историков литературы. В этой книге мы постараемся продемонстрировать, каким образом прочтение даже таких общеизвестных пьес, как «Гроза» Островского, может обогатиться, если обратиться к указанным вопросам.

Литературные премии сейчас чаще всего ассоциируются со специфическим положением современной литературы. Многочисленные скандалы, шумные обсуждения в прессе, комментарии известных и неизвестных литераторов сопровождают вручение множества наград самого разного уровня и в самых разных номинациях – за лучшие романы, книги стихотворений, рассказы, первые публикации и проч. и проч. В распределении премий участвуют известные критики, ученые, политические деятели, лауреаты предыдущих лет. Один из наиболее популярных способов рекламировать книгу – указать на обложке, какими престижными наградами увенчан ее автор. Особенно бурный ажиотаж каждый год вызывает вручение Нобелевской премии в области литературы, обычно провоцирующее даже очень далеких от современной литературы читателей на многочисленные высказывания, в основном критического толка, которые с исключительной легкостью распространяются через социальные сети и блоги. Для людей, хорошо знакомых с литературной ситуацией, сам факт награждения или хотя бы включения некой книги в шорт-лист той или иной награды уже очень многое может сказать о литературной и политической позиции ее автора²⁵.

Вообще премии служат одним из важнейших факторов, определяющих современный литературный процесс, примерным аналогом толстого литературного журнала прошлого. Открывая толстый литературный журнал, достаточно компетентный современник Достоевского уже неплохо себе представлял, что он найдет на его страницах. Сейчас такова же функция премий: в большинстве случаев, узнав, например, что некий автор удостоился премии «НОС», современный читатель может довольно много сказать относительно некоторых особенностей ее или его творчества, даже если сам с этим творчеством незнаком. Литературные премии обычно поддерживают разные тенденции развития литературы, и выдающийся с точки зрения одного жюри писатель в глазах другого жюри может оказаться вообще за пределами литературы²⁶. Достаточно вспомнить активные споры, вызванные награждением С. А. Алексиевич Нобелевской премией, или недавние обсуждения творчества А. А. Старобинец, связанные с номинацией ее книги «Посмотри на него» на премию «Национальный бестселлер». Таким образом, премии не просто поддерживают более или менее хорошую литературу – они

²⁴ См.: Hohendahl P. U. Building a National Literature...

²⁵ См.: English J. F. The Economy of Prestige: Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, Mass.; London: Harvard UP, 2008.

²⁶ См., например: Черняк М. А. Литературная премия как диагноз актуальной словесности // Лабиринт. 2016. № 3/4. С. 6–11.

помогают обсуждать, по каким критериям можно отличать хорошего автора от плохого, чем литература с точки зрения определенной группы отличается от не-литературы, и проч.²⁷ В этой связи разногласия членов жюри, экспертов, писателей и читателей по поводу того, достоин тот или иной автор или то или иное произведение награды или нет, вполне естественны и свидетельствуют о нормальном для литературы положении, когда в ней одновременно существуют и конкурируют разные возможные направления развития.

В то же время премия – продолжим здесь аналогию с толстым литературным журналом XIX века – не только способствует оформлению и обсуждению различных литературных течений, но и связывает литературу с другими сторонами социальной жизни. Вручение премии, как и публикация в журнале, обычно сопровождается награждением автора некоторой суммой денег, подчас очень немалой. Эта сумма часто исходит от спонсоров, деятельность которых прямо не связана с литературой и которые при этом испытывают серьезный интерес к поддержке тех или иных авторов или произведений. Наконец, к распределению наград нередко привлекаются эксперты, которые не относятся к литературному сообществу. Толстый журнал, конечно, тоже связан не только с литературными вопросами: на страницах периодических изданий XIX века романы и стихи печатались в окружении многочисленных научных, хозяйственных, политических и других материалов, которые нельзя было не учесть. Итак, современные литературные премии в некоторых отношениях аналогичны толстым журналам прошлого и во многом выполняют те же функции в организации литературной жизни.

Однако Уваровская премия была институтом совершенно иной эпохи – иным был и контекст, в котором она существовала.

Трудно представить себе, чтобы первая литературная награда могла возникнуть в России раньше или позже, чем вторая половина 1850-х гг. – начало царствования Александра II, эпоха «оттепели» (Ф. И. Тютчев). Именно в этот период многочисленные формы социальной самоорганизации начинают развиваться с огромной скоростью, и литература играет в этом процессе серьезную роль. Судьба премии в дальнейшем будет тесно связана с тем проектом взаимодействия государства и институтов литературы и – шире – общества, который оформился в этот период. Годы существования Уваровской премии практически совпадают с периодом «Великих реформ» в России. Прямой причинно-следственной связи между появлением литературных наград и государственными преобразованиями, конечно, нет, однако это совпадение все же нельзя назвать случайным. Создание Уваровской премии связано с биографическим поводом, который сам по себе никакого исторического значения не несет: С. С. Уваров умер в сентябре 1855 г. Его сын обратился в Академию наук 1 мая 1856 г., адресовав письмо Д. Н. Блудову, тогдашнему президенту Академии и старому знакомому и единомышленнику Уварова-старшего. В своем обращении Уваров-сын апеллировал к прошлому. С. С. Уваров заслужил известность, среди прочего, как президент Академии наук, то есть предшественник самого Блудова:

Назначенный еще в молодости президентом Академии наук, отец мой провел большую часть своей жизни в кругу ее членов, выказывая постоянно свою любовь к отечественной истории и к исследованиям филологическим.

Желая по кончине его связать неразрывно память о нем с существованием самой Академии, имею честь представить Вашему Сиятельству составленный мною проект о наградах, раздаваемых ежегодно, и покорнейше просить, если оный проект будет одобрен Академиею Наук,

²⁷ О релятивности понятия литературы см.: *Зенкин С. Н.* Теория литературы: Основные понятия и проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 43–63.

исходатайствовать Высочайшее разрешение на учреждение предлагаемых мною премий²⁸.

Старший Уваров сыграл значительную роль в создании разного рода премий. Принятый в годы его президента академический устав 1836 г. в качестве одного из приоритетных направлений деятельности учреждения включал раздачу различных призов, в том числе, очевидно, Демидовских премий²⁹. Однако как бы сын Сергея Уварова ни подчеркивал преемственность со временами своего отца, его предприятие проходило в совершенно другой исторической обстановке, когда уваровское понимание патриотического смысла премий стало неприемлемым.

Литературная эволюция второй половины 1850-х гг. неотделима от эволюции основных государственных институтов. Литература этого времени одновременно функционировала (и осмыслялась современниками) и как неотъемлемая часть общества, проходящая через тот же кризис, что и страна в целом, и как наиболее здоровая часть российского социума, своего рода резерв для возможных преобразований. Этим двойственным положением литературы определялось ее бурное развитие. В большинстве стран Европы после революций 1848 г. происходил стремительный рост различных форм социальных организаций – разного рода профессиональных сообществ, объединений по интересам и проч.³⁰ В России, однако, этот рост пришелся преимущественно на чуть более поздний период – начало реформ, наступивших после смерти Николая I.

Начало царствования Александра II вообще тесно связано с острым кризисом государства и общества. Тяжелейший удар по социальным структурам империи нанесли и Крымская война, поражение в которой воспринималось как доказательство несостоятельности государственной политики, и последние годы правления Николая I, известные репрессиями против писателей и ученых. Как показала Ольга Майорова, резко отрицательное отношение к государственным и социальным институтам тесно связано с кризисом национального самоопределения: образованные жители Российской империи эпохи реформ с трудом понимали, каким образом осмыслять свою «русскость» и соотносить себя с государством и нацией³¹. Старые формы такого соотнесения оказались неэффективны в условиях, когда очевидной стала потребность быстрой перестройки общественных отношений и системы управления в целом.

Государство в целом воспринималось как организация не только неэффективная, но и устаревшая и в то же время аморальная. Продолжающееся существование крепостного права оценивалось большинством представителей элиты в религиозных категориях – как тяжелейший грех³². На это накладывались вполне традиционные для русской культуры представления о «Западе» или «Европе» как странах, ушедших далеко вперед по пути «прогресса». Эти широко распространенные, по крайней мере, со времен Петра I идеи оказались особенно актуальны благодаря впечатлению от поражения в Крымской войне. Исход прямого вооруженного столкновения с «Западом» в глазах большинства современников служил ярким подтверждением отставания России и доказывал им несостоятельность идеологии, предполагавшей противопоставление России как абсолютно стабильной, замкнутой в себе системы бурно изменя-

²⁸ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 2. Л. 3.

²⁹ См.: Басаргина Е. Ю. Проекты академической реформы 1855–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 107–108.

³⁰ См.: Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия: Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 66–87. Ср. также соображения исследователя относительно амбивалентного отношения научных ассоциаций и обществ этого времени к государству и буржуазному обществу: Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. С. 74–89.

³¹ См.: Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: University of Wisconsin Press, 2010.

³² См.: Paperno I. The Liberation of Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. 1991. Vol. 50. № 4. P. 417–436.

ющей «Европе». Характерным примером может служить запись в дневнике А. В. Никитенко, сделанная 3 сентября 1855 г.: «Лет пять тому назад москвичи провозгласили, что Европа гниет, что она уже сгнила, а бодрствуют, живут и процветают одни славяне. А вот теперь Европа доказывает нашему невежеству, нашей апатии, нашему высокомерному презрению к ее цивилизации, как она сгнила» (*Никитенко*, т. 1, с. 419). Впрочем, сами «москвичи» (в особенности славянофилы) также считали поражение своего рода расплатой за недавнее прошлое.

Бюрократия Российской империи оценивалась огромным множеством современников в лучшем случае как полностью неэффективная, в худшем же – как прямой пособник военного врага. При этом речь шла не о личных недостатках тех или иных высокопоставленных чиновников, а о принципиальных проблемах государственного устройства в целом. Достаточно вспомнить отзывы В. С. Аксаковой о канцлере Нессельроде – известная представительница славянофильской семьи, вообще не отличавшаяся антиправительственными настроениями, считала одного из крупнейших государственных деятелей России австрийским агентом: «Ему, этому изменнику, ему одному обязаны мы позором и затруднительным положением России!»³³ Причины, очевидно, во многом состояли в том, что Нессельроде, хотя и занимал должность российского министра иностранных дел, по происхождению был немцем, – ситуация, в течение многих десятилетий вполне естественная и не вызывавшая резкого осуждения, теперь, во время пересмотра национальной организации Российской империи, стала восприниматься как неприемлемая.

При этом независимых от государства социальных институтов в России было немного, и отношение современников к их перспективам было в целом негативным. Репрессивная политика правительства конца 1840-х – 1855 гг. привела к практически полному уничтожению любых общественных союзов и организаций, включая даже большинство частных кружков. Наиболее известным примером здесь обычно оказывается общество петрашевцев, члены которого, в принципе, не совершившие никаких серьезных преступлений, были на основании сведений о политических разговорах арестованы и приговорены к различным наказаниям, включая смертную казнь, в 1849 г.³⁴ Впрочем, подавление различных политических и прочих организаций началось значительно раньше – примером может послужить разгром кружка А. И. Герцена. В то же время на протяжении большей части царствования Николая I такая политика не мешала активному развитию общественной жизни, печати и образования³⁵.

Традиционно считается, что литература была одной из основных целей репрессивной внутренней политики Николая I – в конце его царствования был принят целый ряд мер, направленных на ужесточение контроля над нею, включая создание в 1848 г. печально известного Бутурлинского комитета (Комитета 2 апреля 1848 г.). Абсурдные меры Бутурлинского комитета вообще широко известны в историографии и обычно воспринимаются как предел развития цензурных репрессий этого времени³⁶. Цензура этого времени обращала внимание не только на знаменитый «Словарь иностранных слов», выпущенный петрашевцами, но и, например, на темы занятий, предлагаемых еврейскими учебниками на языке идиш, или на возможность зашифрованных посланий в нотах. Председатель Комитета (П. Д. Бутурлина на этом

³³ Аксакова В. С. Дневники. Письма / Сост., подг. текстов, вступ. и сопровод. ст., коммент. Т. Ф. Пирожковой. СПб.: Пушкинский дом, 2013 (Славянофильский архив. Кн. II). С. 164. Запись от 11 марта 1855 г.

³⁴ См. о разгромах петрашевцев в контексте российской политической жизни после 1848 г.: Шкерин В. А. «Поединок на шпионах»: Дело петрашевцев и политическая провокация в России. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 145–204.

³⁵ См., например: Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

³⁶ См.: Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: тип. С.-петерб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904. С. 183–308; Старкова Л. К. «Цензурный террор» 1848–1855 гг. Саратов: Саратовский пед. ин-т, 2000; Шевченко М. М. Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. С. 122–159; История Комитета 2 апреля 1848 года в документах / Публ. Н. А. Гринченко // Цензура в России: История современность. Сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 224–246.

посту быстро сменил Н. Н. Анненков, а того – М. А. Корф) имел постоянный прямой доступ к императору, что делало его фигурой не менее влиятельной, чем даже министр народного просвещения, в зону ответственности которого входила общая цензура. Отставка Уварова во многом была вызвана именно конфликтом с Комитетом. Реакция современников на деятельность Комитета обычно характеризуется как ужас и потрясение. Достаточно здесь вспомнить дневниковое свидетельство А. В. Никитенко от 1 декабря 1848 г.:

Чудная эта земля Россия! Полтора ста лет прикидывались мы стремящимися к образованию. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываем назад быстрее, чем когда-либо шли вперед. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлин предлагал закрыть университеты, многие считали это несбыточным. Простаки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вот теперь тот же самый Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего, негласного комитета по цензуре и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать (*Никитенко*, т. 1, с. 312).

Однако действия Комитета не смогли остановить развитие русской литературы. Даже в период его бурной деятельности в России печатались новые значительные произведения, а на страницах журналов активно обсуждались не только сочинения, о которых ничего писать не рекомендовалось (такие как комедия Островского «Свои люди – сочтемся!»), но даже и само ужесточение цензурной политики. А. В. Дружинин, например, в одной из своих статей как бы между делом заметил: «...1848 и начало 49 года были временем весьма невыгодным для литературы большей части государств»³⁷.

Увеличение числа контролировавших литературную жизнь инстанций выразилось в умножении цензурных ведомств. А. В. Никитенко, в этот период сотрудник общей цензуры, подсчитал, что в Российской империи насчитывалось 12 учреждений, осуществлявших контроль за печатью (*Никитенко*, т. 1, с. 336; запись от 22 марта 1850 г.). Каждое из этих ведомств могло до некоторой степени вести собственную политику, что приводило к острым конфликтам. Например, общая цензура находилась в руках Министерства народного просвещения. За драматическую цензуру, то есть разрешение или запрещение публичного исполнения любых произведений, отвечало III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Практически каждое крупное ведомство обладало правом контролировать публикации, связанные с его родом деятельности. Это, в свою очередь, способствовало увеличению сегментации и ограничению литературы. Сегментация литературного поля выразилась в разграничении групп писателей и функций их произведений. Произведения «для народа» жестко отделялись от «большой» литературы: публикация популярных сочинений в толстых журналах активно не поощрялась, в том числе цензурными органами; выделялись специальные издания, например, для военных, которые в подавляющем большинстве не печатали произведений по другой тематике.

Наиболее значимым и влиятельным литературным институтом были, разумеется, толстые литературные журналы. Их возросшее влияние, по всей видимости, раздражало министра народного просвещения Уварова. По крайней мере, Уваров активно участвовал в закрытии некоторых журналов, таких как «Московский телеграф» Н. А. Полевого³⁸. Очевидно, подозрительно к ним относился и Николай I, который в 1836 г. вынес знаменитую резолюцию, запрещающую дальнейшее увеличение числа толстых журналов³⁹. Все эти меры, однако, едва

³⁷ Дружинин А. В. Соч.: В 8 т. Т. 6. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1865. С. 116.

³⁸ См. известную работу: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Орлова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 477–483.

³⁹ См.: Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: Сб. документов. СПб.: РНБ,

ли достигли своей цели: начиная с 1830-х гг. и до конца царствования Николая I, русские писатели и критики повторяли, что литература полностью перешла в журналы. Чаще всего цитируется знаменитая характеристика русской литературы, данная в статье Белинского «Русская литература в 1841 году», которая была, между прочим, опубликована уже после закрытия таких влиятельных журналов, как «Московский телеграф» или «Телескоп» (в числе сотрудников последнего был, как известно, и сам Белинский):

В журналах теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная, и переводная. В них помещаются теперь повести, которые недавно издавались особо, частях в двух, в трех и четырех; в них целиком печатаются романы, которых каждая глава стоит иной повести недавнего времени; в них печатаются драмы, исторические книги и т. д. Ко всему этому надо прибавить, что наши журналы из всех сил стремятся к многосторонности и всеобъемлемости – не во взгляде, о котором, правду сказать, немногие из них думают, – а в разнообразии входящих в их состав предметов: тут и политика, и история, и философия, и критика, и библиография, и сельское хозяйство, и изящная словесность – чего хочешь, того просишь⁴⁰.

В том же духе высказывались и многие литераторы начала 1850-х гг.⁴¹ Литературное сообщество, несмотря на любые ограничения и запреты, обладало определенным опытом влияния на публичную культуру, в том числе официальную. Так, широко распространившаяся во второй половине XIX века традиция празднования юбилеев восходит, судя по всему, к юбилею И. А. Крылова, праздновавшемуся в 1838 г.⁴²

В условиях кризиса первых лет царствования Александра II власть пыталась обратиться за помощью к представителям общественности, которые могли бы помочь в условиях неэффективности традиционных чиновничьих форм управления страной. Наиболее широко известным примером может служить попытка консультироваться с представителями дворянства в ходе подготовки крестьянской реформы. Властям зачастую приходилось не опираться на уже сложившееся общественное мнение (у общества не было никаких средств выразить это мнение), а создать новый, специфический орган, который не столько выражал мнение дворянского сообщества, сколько пытался сформировать это мнение: представители дворянских комитетов начали протестовать против планов правительства и обращаться к императору с адресами⁴³. Попытки эти, впрочем, оказались не вполне успешными, выявив многочисленные разногласия между депутатами и неспособность их выступить единым фронтом⁴⁴.

Как представляется, современники были склонны видеть почти единственную уже сформировавшуюся и готовую общественную альтернативу официальным организациям, учрежденным по инициативе правительства, именно в литературном сообществе, складывавшемся вокруг редакций толстых литературных журналов 1850-х гг. Неслучайно реформаторы времен Александра II активно пользовались услугами представителей литературного сообщества в самых разных ситуациях. Так, великий князь Константин Николаевич, один из наиболее влиятельных сторонников реформы в правительственных кругах, еще в начале 1850-х гг. искал

2016. С. 31, 65.

⁴⁰ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки, март 1841 – март 1842 / Ред. С. И. Машинский, подг. текста В. Э. Богграда; ст. Ю. В. Манна; примеч. А. Л. Осповата и Л. С. Пустильник. М.: Худож. лит., 1979. С. 322.

⁴¹ См.: Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830–1870-х гг. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 36–37.

⁴² См.: Лямина Е., Сомов Н. Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России // Новое литературное обозрение. 2017. № 145 (3). С. 158–177.

⁴³ См.: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 // Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. С. 258–301.

⁴⁴ См.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: ТИД «Русское слово-РС», 2002. С. 89–98.

среди писателей кандидата на роль секретаря ответственной дипломатической экспедиции к берегам Японии (в итоге в эту экспедицию отправился И. А. Гончаров). Явно опираясь на этот опыт, морское ведомство, которым руководил Константин Николаевич, организовало так называемую литературную экспедицию в надеждах, что писатели окажутся более способны составить точное описание внутренних российских губерний, чем местные чиновники или даже этнографы⁴⁵.

Надежда на возможность продуктивного контакта с литераторами как представителями общества во многом определяла принципиальное изменение в государственной политике в отношении печати. В первой половине царствования Александра II многие ограничения, сдерживавшие развитие литературных институтов, постепенно снимались. Разрешение новых периодических изданий привело к стремительному росту их количества и качества: с появлением таких журналов, как, например, «Русский вестник», «Русское слово» и «Русская беседа», росло не только число периодических изданий, но и спектр эстетических (или антиэстетических) и политических позиций, которые ранее не были представлены в русской литературе. Эта новая сегментация была связана уже не с волей правительства, а с внутренней логикой развития литературы и публичной сферы. В то же время с разрешения и подчас при поддержке властей делались попытки создать литературные произведения и книжные серии, ориентированные на «народную» аудиторию⁴⁶. Наконец, цензурная реформа середины 1860-х гг. перевела практически все наблюдение за русской литературой под контроль Министерства внутренних дел, которое (по крайней мере, в теории) должно было преимущественно не вмешиваться в текущие публикации, регулируя самые незначительные детали, а ограничиваться запретом антиправительственных и антирелигиозных высказываний⁴⁷.

Другой стороной ориентации правительства на взаимодействие с литературным сообществом, а не просто его ограничение могут служить многочисленные попытки прямо воздействовать на то или иное издание, направив его в нужном направлении. Эти попытки подчас приводили к созданию официозных изданий, открыто ставивших целью выражение мнения того или иного ведомства об общественных проблемах (такова была газета «Северная почта»), подчас же, напротив, выражались в поддержке независимых изданий, наподобие газеты «Голос», позиция которых устраивала правительство⁴⁸.

Таким образом, во второй половине 1850-х гг. правительство в целом признало возможность совместной работы с представителями общества, которые главным образом отбирались из числа литераторов. В свою очередь, писатели и журналисты и сами были склонны воспринимать литературу как одну из наиболее значимых сил, способных оказать положительное воздействие на развитие российского государства, общества и складывание национального самосознания. Показательно, что едва ли не все активно действовавшие в этот период писатели и литературные критики стремились осмыслить именно общественную роль литературы.

Вопреки высказываниям советских историков литературной критики, критиковавших сторонников «чистого искусства», вплоть до середины 1860-х гг. фактически не существовало ни одного хоть сколько-нибудь заметного издания, которое отрицало бы значительную роль литературы в социальной жизни России. Вышедшее в середине 1850-х гг. первое науч-

⁴⁵ См.: Вдовин А. В. Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» Морского министерства // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 91–126.

⁴⁶ См.: Макеев М. С. Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек») // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 2 (132). С. 130–147.

⁴⁷ См.: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, Ф-т журналистики, 2000. С. 127–200; Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. С. 122–321.

⁴⁸ См.: Патрушева Н. Г. Теория «нравственного влияния» на общественное мнение в правительственной политике в отношении печати в 1860-е гг. // *Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 7*. СПб.: РНБ, 1994. С. 112–125.

ное издание сочинений А. С. Пушкина большинством критиков воспринималось как своеобразное воплощение этой тенденции к общественной пользе. Пушкин со времен по меньшей мере Белинского воспринимался как носитель идеальной «художественности», представитель искусства в чистом виде. Большинство критиков 1850-х гг. было склонно с этим согласиться, однако при этом прямо заявляло, что чистая «художественность» не только не мешает значению творчества Пушкина, но, напротив, приносит пользу читательскому сообществу.

Еще в конце Крымской войны вышел первый том издания Пушкина, содержавший обширную биографию поэта, которую составил подготовивший издание П. В. Анненков. Анненков явно был склонен понимать, что произведения Пушкина прямо влияют на развитие институтов литературы в России (кружков и толстых журналов), хотя характеризовал их роль очень аккуратно:

Сам Пушкин, создавший так много новых читателей на Руси и не менее того стихотворцев, сильно способствовал уничтожению дружеских литературных кругов; но вместе с тем он сохранил до конца своей жизни, как уже мы сказали, существенные, характеристические черты члена старых литературных обществ и уже не имел симпатии к произволу журнальных суждений, вскоре заместившему их и захватившему довольно обширный круг действия⁴⁹.

Намного более прямо о социальном значении литературы как формы самосознания общества или средства его воспитания заговорили критики после воцарения нового императора. Так, М. Н. Катков в программной статье «Пушкин», представляющей собою отзыв на издание Анненкова, писал:

Какова бы ни была сама по себе наша литература, скудна ли или богата, она, слава богу, перестала уже быть несущественным и бледным отражением чужеземных явлений, глухим отзвуком случайно долетавших голосов, отдаленным и нередко бессмысленным последствием неусвоенных начал; в ней чувствуется присутствие собственной жизни, чувствуется внутренняя связь в ее явлениях; возникают направления по закону этой внутренней связи; есть свои образцы, свои господствующие начала, обозначается своя система; словом, общественное сознание у нас – ибо литература есть относительно общества то же самое, что сознание в отдельном человеке, – представляет собою хотя еще весьма юное, может быть, еще весьма слабое, но уже живое развитие, уже сложившийся организм⁵⁰.

Во многом схожее понимание общественного значения творчества Пушкина выразилось в статье далеко не во всем согласного с Катковым А. В. Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений». Критик писал:

У нас, в России, великие писатели всегда стояли впереди своих читателей, сами образовывали общество, поучая тех, кто жаждал познания, трудясь над самым органом своих песнопений, то есть над русским языком, еще и поныне не вполне установившимся. Им не приходилось петь для самих себя и уединяться вдаль от русского народа, к вершинам Геликона⁵¹.

⁴⁹ Анненков П. В. Материалы к биографии А. С. Пушкина / Общ. ред. и вступ. ст. Г. М. Фридендера; подгот. текста и коммент. А. А. Карпова. М.: Современник, 1984. С. 74.

⁵⁰ Катков М. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2010. С. 246.

⁵¹ Дружинин А. В. Прекрасное и вечное / Вступ. ст. и сост. Н. Н. Скатова; коммент. В. А. Котельникова. М.: Современник, 1988. С. 87.

Естественно, в этом духе Дружинин трактовал и значение творчества Пушкина. Принципиальный оппонент Дружинина Ап. Григорьев назвал его статьи о Пушкине «блестящими» (*Современник против Москвитянина*, с. 530) и в целом поддерживал идею об общественной миссии поэзии. Наконец, радикально настроенный Н. Г. Чернышевский и его последователи исходили из утилитарного подхода к искусству, казалось бы, никак не согласовавшегося с высокой оценкой Пушкина. В то же время Чернышевский, как показали еще советские исследователи, высоко ценил издание Анненкова и считал творчество Пушкина значимым с политической и социальной точки зрения⁵².

1850–1860-е гг. стали периодом формирования новых видов самоорганизации писателей, таких как Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, также известное как Литературный фонд⁵³. Это была первая официальная организация писателей в России, на заседаниях которой могли встретиться представители самых разных течений в литературе. При этом фонд стремился реализовать идею общественной ответственности литературы, занимаясь благотворительностью и организуя пользовавшиеся огромным успехом литературные чтения. В 1870-е гг., благодаря усилиям А. Н. Островского, возникло специальное Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, представлявшее интересы литераторов и защищавшее их авторские права⁵⁴.

В контексте дискуссий об общественной роли искусства особым значением обладали, конечно, драматургия и театр, публика которых принципиально отличалась от сообщества читателей современных романов и лирической поэзии. Подписчики толстых журналов в целом были достаточно гомогенной аудиторией. Современная исследовательница демонстрирует, что толстый журнал, особенно романтической эпохи, был местом постоянной игры с читателем: авторы «Библиотеки для чтения», например, то воспитывали публику, то подчинялись ее запросам, обращались то к реальному, то к вымышленному читателю, воспринимали себя то как его друга, то как оппонента⁵⁵. Однако такая игра была возможна только в том случае, если настоящий читатель, обеспечивавший существование журнала, был способен хотя бы каким-то образом ее воспринять и на нее отреагировать; иными словами, читатель должен был иметь такое образование, которое позволило бы ему адекватно воспринимать сложные литературные игры. В то же время от него требовалось определенное финансовое благополучие – далеко не все могли позволить себе подписку на толстые журналы, получить же их другими способами могли в основном только жители больших городов⁵⁶. В современной научной литературе речь идет о своеобразной циркуляции опыта, который за счет печатавшихся в толстых журналах

⁵² См.: Мотольская Д. К. Работа Н. Г. Чернышевского над анненковскими «Материалами для биографии А. С. Пушкина» // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1963. Т. 245. Из истории русской литературы. С. 261–282.

⁵³ О Литфонде см. прежде всего работы В. Н. Сажина: Описание архива Литературного фонда. Аннотированный указатель. Аннотированный каталог / Сост. Р. Б. Заборова, В. Н. Сажин. Л.: Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1978–1979. Вып. 1, 2; Сажин В. Н. 1) Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 7. М.: Наука, 1978. С. 138–157; 2) Как создавался Литфонд // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 214–227. Наиболее актуальный обзор литературы о деятельности Общества см. в статье: Илатова С. А. И. С. Тургенев и Литфонд: у истоков благотворительности в России (1859–1862) (по архивным материалам) // Русская литература. 2018. № 3. С. 54–65. О роли Литфонда в развитии и становлении публичной сферы см.: Макеев М. С. «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // Русская литература. 2009. № 4. С. 106–115; Vassena P. Публичные литературные чтения как пример коммуникативной (не)удачи // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication in Russia, 1760–1930 / Eds. D. Rebecchini, R. Vassena. Milano: De/Segni, 2014. С. 165–188.

⁵⁴ См.: Гольдман А. А. А. Н. Островский – председатель Общества драматических писателей. М.: ВТО, 1948; Федотов А. С. Общество драматических писателей против провинциальных театров: полемика 1870-х гг. об авторских правах драматургов // Документ по истории театра в книжных и архивных собраниях: Двенадцатые междунар. науч. чтения «Театральная книга между прошлым и будущим». М.: Три квадрата, 2017. С. 229–247.

⁵⁵ См.: Frazier M. Romantic Encounters... P. 88–124.

⁵⁶ См.: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту... С. 54–72.

литературных произведений становился доступен всем читателям⁵⁷. Как кажется, именно определенная внутренняя гомогенность публики литературного журнала делала этот литературный опыт в принципе доступным для всех потенциальных потребителей журнала. Разумеется, до некоторой степени журналы сами формировали свою аудиторию, создавая для всех читателей единое информационное поле. В то же время их возможности были ограничены: подавляющее большинство людей, даже знавших русский язык, просто не могло купить и понять современный журнал. И достаточно образованные, и достаточно состоятельные читатели были меньшинством и не могли репрезентировать население Российской империи в целом. Совершенно иначе функционировал театр.

Театральный зал был местом, вероятно, наибольшего в пределах Российской империи социального многообразия: здесь могли встретиться представители самых разных общественных групп, за исключением разве что служителей православной церкви, и цензура постоянно опасалась возможной негативной реакции одной из них, чреватой конфликтом⁵⁸. Уже к концу XVIII века книгопечатание и журналистика способствовали консолидации «образованной публики», тогда как театр воспринимался как место, где встречались представители принципиально разных типов образования, несовместимых друг с другом: неслучайно и А. П. Сумароков, и многочисленные сатирики его времени жаловались на необразованность и грубость театральной публики⁵⁹. Встречались в зрительном зале и представители «простого народа», например крестьяне, пришедшие в город на заработки⁶⁰. Именно по этой причине цензура, например, опасалась допускать пьесы, где давалось сатирическое изображение крепостничества. Изображение на сцене крепостника могло вызвать недовольство и дворян, и крестьян, присутствовавших в зале. По жалобам дворян, недовольных изображением жестокого и грубого защитника крепостничества, была, например, запрещена пьеса Потехина «Отрезанный ломоть» (1865)⁶¹. В случае журнала таких опасений обычно не возникало.

Масштаб расслоения публики в России был особенно велик по сравнению с большинством государств Западной Европы: дистанция между аристократом и неграмотным крестьянином, которых можно было встретить в зале, была громадной, причем не только в социальном или экономическом, но и в правовом и культурном отношении. Разумеется, особая, «демократическая» природа театра и его прямое воздействие на публику были общеевропейским феноменом: неслучайно, например, едва ли не во всех европейских странах того времени драматическая цензура отличалась намного большей жесткостью, чем цензура произведений печати⁶². Однако именно в России огромная разница между различными типами публики и отсутствие других развитых форм современной общественной жизни сделали театр почти единственным способом прямо повлиять на широкие слои населения, которым могли воспользоваться образованные люди.

По этой причине именно театр воспринимался как своеобразная «школа» для народа. «Эстетическое воспитание» зрителя традиционно принято противопоставлять его политической активности. В нашем исследовании мы стремимся показать, что эти две стороны театра

⁵⁷ См.: Венедиктова Т. В. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 54–64.

⁵⁸ См.: Frame M. School for Citizens: Theatre and Civil Society in Imperial Russia. New Haven: Yale UP, 2006. P. 55–58.

⁵⁹ См.: Смит Д. Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке / Авториз. пер. с англ. К. Осповата и Д. Хитровой. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 62–64, 69–71, 75, 78.

⁶⁰ См.: Петровская И. Ф. Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX века. Л.: Искусство, 1979. С. 35–37.

⁶¹ См.: Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Ч. 2: Эпоха императора Александра II. 1855–1881 / Авт. вступ. ст., примеч., указ. Е. Г. Федякина. СПб.: Чистый лист, 2019. С. 80–81, 313–314.

⁶² См.: Goldstein R. L. Introduction // The Frightful Stage: Political Censorship of the Theater in Nineteenth Century Europe / Ed. R. L. Goldstein. New York; Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 1–21.

не всегда корректно трактовать как взаимоисключающие⁶³. Исследователи, воспринимавшие русскую драматургию на фоне западной, особенно часто обращали внимание на необычайное значение «учительных» функций, которые приписывали себе русские драматурги и антрепренеры⁶⁴. Очевидно, театральная зала, где собирались самые разные люди, мог осмысляться как своего рода модель общественных отношений в Российской империи, место, где можно было в условиях недостаточной развитости форм публичной жизни напрямую обращаться к «простым» зрителям, воспитывать и учить их. Широко известно, что именно так понимал функции театра, например, А. Н. Островский – и многие его современники. Разумеется, общественная роль театра была особенно велика в эпоху «Великих реформ»: бурное развитие империи, в ходе которого самые разные слои населения приходили в контакт и смешивались друг с другом, воспринималось как идеальная возможность для «эстетического воспитания» (Ф. Шиллер) посредством театра. Как мы увидим ниже, творчество русских драматургов этой эпохи едва ли можно адекватно понять вне контекста общераспространенных тогда представлений об ответственности театра перед массой зрителей.

В то же время театр оставался частью государства. До середины 1870-х гг. в столицах Российской империи частные театры оставались запрещены. «Императорские», то есть государственные театры, бывшие в ведении Министерства императорского двора, находились в привилегированном положении как в силу значительного финансирования, выделяемого на них непосредственно из казны, так и в силу большего количества интересующейся современными публичными развлечениями публики в Петербурге и Москве. Театральная дирекция, контролировавшая императорские театры, во второй половине 1850-х гг. оказалась в сложном положении⁶⁵. С одной стороны, она оставалась частью государственного аппарата и должна была вести себя соответствующим образом. С другой стороны, совершенно пренебрегать мнением публики дирекция также не могла. Это двойственное положение между государством и обществом во многом определило и жизнь русского театра этой эпохи в целом, и административные меры дирекции в частности⁶⁶.

Чтобы каким-то образом отреагировать на актуальные запросы публики, Дирекция императорских театров предсказуемо обратилась за помощью к литературному сообществу. Случилось это, как нетрудно догадаться, все в том же начале эпохи «Великих реформ», когда государство вообще стремилось использовать профессиональные качества литераторов – причем в случае деятельности театра с большими на то основаниями. В том же 1856 г. был создан Театрально-литературный комитет. Возникнув на базе собрания экспертов, призванных выбрать лучшую пьесу, посвященную юбилею русского театра, уже к началу 1860-х гг. он стал инстанцией, контролировавшей репертуар всех императорских театров⁶⁷. Имея право рекомендовать или не рекомендовать к постановке любые пьесы, этот Комитет, что показательно, формировался не только из чиновников дирекции: большинство его членов составляли литераторы, а треть – представители актерского сообщества.

Независимо от Дирекции императорских театров до 1865 г. действовала особая цензура, относившаяся к ведомству III отделения Собственной Его императорского величества канцелярии и контролировавшая репертуар любых публичных постановок на территории Россий-

⁶³ Здесь мы опираемся на работу: *Рансьер Ж.* Эмансипированный зритель. Н. Новгород: Красная ласточка, 2018.

⁶⁴ См.: *Frame M.* School for Citizens... P. 1–9; *Katz M. F. A.* Koni und das russische Vaudeville. Zur Geschichte des Unterhaltungstheaters in St. Petersburg. 1830–1855. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. S. 119–175.

⁶⁵ История Дирекции императорских театров до сих пор остается не написанной. Как ни странно, этому мешает отнюдь не нехватка, а чрезмерное обилие материалов, сохранившихся в циклопическом фонде № 497 Российского государственного исторического архива.

⁶⁶ См., например: *Frame M.* School for Citizens...

⁶⁷ См.: *Романова А. В.* И. А. Гончаров в Комитете, учрежденном для рассмотрения пьес к столетнему юбилею русского театра, и в Театрально-литературном комитете // Русская литература. 2018. № 2. С. 171–193.

ской империи, включая театральные спектакли. Немногочисленные, но высокопоставленные сотрудники этой организации подробно разбирали все поступившие на их суд произведения и стремились повлиять на репертуар русской сцены⁶⁸. О значении их работы свидетельствует тот факт, что окончательное решение по всем пьесам принималось непосредственно управляющим III отделения. В отличие от чиновников общей цензуры, драматические цензоры в меньшей степени руководствовались буквой устава и отдельных распоряжений и в большей степени имели право действовать независимо, преимущественно опираясь на собственные представления о политически благонадежном и художественно состоятельном репертуаре. По этой причине можно, как кажется, говорить об этой отрасли цензуры не только как о части бюрократической системы контроля над литературой и театром, но и как о значимом институте, выражавшем потребность определенной части государственного аппарата в том, чтобы направлять развитие драматургии в нужное русло.

Наконец, в журналистике этих лет театру уделяется огромное внимание: пьесам русских писателей и их постановкам посвящены знаменитые и влиятельные статьи едва ли не всех заметных критиков середины XIX века, включая Чернышевского, Добролюбова, Ап. Григорьева, Анненкова, Дружинина и многих других. Параллельно литературной критике развивалась и критика театральная, со своими характерными проблемами, формами бытования и даже своей периодикой: так, именно во второй половине 1850-х гг. возникнет, например, очередное издание, посвященное преимущественно новостям русского театра – «Музыкальный и театральный вестник»⁶⁹.

В этом контексте, конечно, понятно, почему первая русская литературная премия вручалась именно за драматические произведения. В отчете о первом ее вручении идея особого общественного значения театра была проговорена прямо. Чтобы привести пример, каким образом особенности драматургии выражались на языке этого времени, приведем пространную цитату из этого отчета:

По мысли учредителя, награды назначены для поощрения сочинений исторических и драматических. Как ни кажутся разнородными эти две отрасли умственных произведений, соединение их в Уваровском учреждении является, однако, естественным следствием духа и цели оно, или, лучше сказать, дух и цель учреждения всего яснее высказываются именно в этом соединении.

<...> С развитием гражданственности, с успехами наук, потребность в точном познании своего прошедшего порождает наконец историю, как хранилищу драгоценных для каждого народных воспоминаний, как верный отпечаток прошедшего, дающий ключ к истинному уразумению настоящего и основу для заключений о будущем. Поэтому в эпоху, соответствующую более развитому состоянию народа, отечественная история является необходимою потребностью и драгоценнейшею опорой народного сознания. <...>

⁶⁸ Наиболее значительным исследованием русской драматической цензуры до сих пор остается книга Н. В. Дризен (Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг.: Прометей, 1917); см. также ее современное комментированное переиздание: Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох: 1825–1881. Ч. 1: Эпоха императора Николая I. 1825–1855 / Вступ. ст., примеч., указ. Е. Г. Федяхина. СПб.: Чистый лист, 2017; Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Ч. 2: Эпоха императора Александра II. 1855–1881 / Авт. вступ. ст., примеч., указ. Е. Г. Федяхина. СПб.: Чистый лист, 2019). Из новейшей литературы по этому вопросу см.: Абакумов О. Ю. Драматическая цензура и III отделение (конец 50-х – начало 60-х годов XIX века // Цензура в России: История и современность: Сб. науч. трудов. Вып. 1. СПб.: РНБ, 2001. С. 66–76.

⁶⁹ См.: Королев Д. Г. Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX – начала XX веков. СПб.: РНБ, 1999. С. 65–66; Федотов А. С. Между газетой и журналом: «Музыкальный и театральный вестник» в ряду других театральных изданий // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 9. Филология. 2019. № 4. С. 121–130.

Драма есть художественный отпечаток народной жизни и исторического развития. То, что Аристотель сказал о поэзии вообще, еще с большею справедливостью может быть отнесено собственно к драме, как высшему проявлению поэзии: она более представляет общее, тогда как история отражает в себе более частное, и потому в драме более философии и значения, чем даже в истории, и притом, не стесненная условиями частных, на которых зиждется бытописание, она выражает во всей полноте поэтической истины. Вместе с тем, проводя нити действий до сокровеннейших пружин человеческой природы, она отражает в себе дух народный в некотором отношении более, так сказать, всецело, разительнее и ярче, чем самая даже история. <...>

Итак, соединение истории и драмы в Уваровском учреждении не есть дело случая или произвола; оно есть естественное следствие самой цели учреждения. Одним из основных положений всей системы графа Сергея Семеновича, как государственного человека, была идея народности; «без народности нет славы», говаривал он. Эта именно идея и лежит в основе учреждения его сына. В горячей любви своей к России и всему Русскому, Граф Алексей Сергеевич призывает к участию в учрежденных им наградах лишь те произведения мысли, в которых отражается дух народа, народное самосознание в возвышеннейшем его проявлении – истории и драмы (*Отчет 1857*, с. 7–8).

Отношения драматургии и общества были, таким образом, двунаправленны. С одной стороны, русские писатели воспринимали театр как исключительно значимый вид искусства, прямо воздействующий на общественную жизнь, а с другой стороны, множество других общественных и политических организаций постоянно влияло на развитие драматургии.

Именно эти амбивалентные отношения общества и литературы и станут предметом нашего исследования. Пользуясь Уваровской премией как материалом, мы рассмотрим, каким образом двустороннее взаимодействие литературы и общества определило эволюцию русской драматургии середины XIX века.

В первой главе работы мы покажем, каким образом институциональные рамки, которыми определялась работа Уваровской премии, связаны с ее функционированием. Премия, включая деятельность распределявших награды академиков, оценивавших пьесы экспертов и подававших их драматургов, будет в ней описана как институт «буржуазной публичной сферы» (Ю. Хабермас), история которого демонстрирует специфику публичности в Российской империи. В то же время анализ бытования поданных на конкурс пьес позволит более точно определить границы «литературного ряда»: далеко не все драматические произведения этой эпохи, как мы покажем, относились к литературе. Принадлежность к литературному ряду тесно связана с функционированием таких категорий, как авторство и текст пьесы: как станет ясно в первой главе, эти, казалось бы, фундаментальные понятия к некоторым из интересующих нас произведений применимы лишь в очень специфическом смысле.

Следующие главы будут преимущественно посвящены эволюции русской драматургии 1850–1870-х гг. на материале конкретных эпизодов из истории Уваровской премии. В них мы попытаемся показать, каким образом контекст литературных институтов позволяет по-новому взглянуть на историю русской драматургии и дать оригинальное прочтение отдельных произведений – от очень известных до совершенно забытых. В каждой из глав речь пойдет об одном

эпизоде из истории премии и об одном ключевом общественном вопросе, к которому обращались русские драматурги в своих пьесах. Во второй главе – это участие в конкурсе пользовавшихся огромным успехом «обличительных» пьес и проблема политизированной драматургии. В третьей главе мы обратимся к награждению трагедий Островского и Писемского в 1860 и 1863 гг. и к проблеме конструирования национального сообщества в России эпохи реформ, в котором, как кажется, эти драматурги пытались участвовать. В четвертой речь пойдет о скандальном отказе наградить премией А. К. Толстого, автора исторической трагедии «Смерть Иоанна Грозного», и в этой связи – об особо важной в пореформенную эпоху проблеме актуальности исторического прошлого. Наконец, в пятой главе мы рассмотрим последнее вручение Уваровской награды и роль драматургии в идеологических полемиках эпохи на примере репрезентации «нигилизма» – комплекса политических радикальных идей и поведенческих практик, особенно влиятельных в России 1860–1870-х гг.

В ходе изучения этих случаев мы обратимся не только к текстам поданных на конкурс пьес и рецензиям на них, заказанным академической комиссией, но и к деятельности других организаций, тесно связанных с развитием литературы, – драматической цензуры (в главах 2 и 5), Театрально-литературного комитета (в главе 5), Академии наук и университетов (в главе 4), литературной и театральной критики (в главах 1, 3 и 5). Собственно проблематика пьес этого периода остается, как мы покажем, не вполне понятной без учета этих условий, в которых эти пьесы создавались и должны были функционировать.

Разумеется, наш анализ не исчерпывает всех проблем истории русской драматургии второй половины XIX века, однако он позволяет, как кажется, по-новому взглянуть на этот, казалось бы, хорошо известный период и увидеть в нем вместо череды классических произведений бурное и сложное столкновение политических амбиций, общественных интересов, эстетических вкусов и творческого воображения самых разных людей и социальных групп.

ГЛАВА 1

УВАРОВСКАЯ ПРЕМИЯ КАК ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

1. Язык описания: институт премий в XIX веке между экономикой и политикой

В этой главе мы попытаемся рассмотреть Уваровскую премию с помощью аналитической модели, которая связана с концепцией буржуазной публичной сферы. Эта модель в том виде, который мы используем, восходит к знаменитой работе Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (1962) и предполагает, что в XVIII–XIX столетиях в Западной Европе складывается независимое или хотя бы отчасти независимое от государства сообщество критически мыслящих самостоятельных субъектов, которое играет значимую роль в политической и общественной жизни⁷⁰. Сам Хабермас, как известно, предостерегал против применения категории «публичная сфера» по отношению к историческим ситуациям, напрямую не связанным с европейским поздним Средневековьем⁷¹. В самом деле, не всегда возможно говорить о действительно независимом общественном мнении, которое могло бы восприниматься как альтернатива государственной власти и оказывать влияние на развитие России, по крайней мере, до конца XIX века. Исследователи активно обсуждают, существовала ли публичная сфера в России, в каком смысле целесообразно о ней говорить, через какие понятия можно ее определять⁷². Более того, высказывались и предположения, что для понимания публичной сферы целесообразнее обратиться к теориям Ханны Арендт⁷³. Следуя за плодотворными попытками применить категории Хабермаса к истории литературных премий во Франции⁷⁴, мы попытаемся показать, что предложенная Хабермасом модель все же не только применима к российскому материалу, но и позволяет сделать значимые выводы.

На первый взгляд, самоочевидный подход к изучению литературных премий – изучение связей литературы и экономики. Необычайное распространение и авторитет разнообразных наград в XX столетии привлекли к ним особое внимание и способствовали появлению разнообразных концепций, объясняющих именно экономическую логику современных премий. Однако премии вручаются писателям уже несколько веков, и современная модель взаимодей-

⁷⁰ Русский перевод книги Хабермаса см.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. О недостатках этого перевода см.: *Юдин Г. Б.* <Рецензия на книгу:> Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. I. № 1. С. 123–133.

⁷¹ См.: *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / transl. T. Burger with the assistance of F. Lawrence. Cambridge: The MIT Press, 1991. P. XVII–XVIII.

⁷² Из недавних обзоров этой проблематики см., например: *Velizhev M.* The Moscow English Club and the Public Sphere in Early Nineteenth-Century Russia // *The Europeanized Elite in Russia, 1862–1825. Public Role and Subjective Self*. DeKalb: Northern Illinois UP, 2016. P. 220–222.

⁷³ См.: *Саликов А.* Ханна Арендт, Юрген Хабермас и переосмысление публичной сферы в эпоху социальных медиа // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 4. С. 88–102.

⁷⁴ См.: *Caradonna J. L.* The Enlightenment in Practice: Academic Prize Contests and Intellectual Culture in France, 1670–1794. Ithaca, NY: Cornell UP, 2012.

ствия экономики и литературы далеко не во всем может проецироваться на ситуацию прошлого. В исследованиях, посвященных литературным наградам, возникшим до XX века, экономический аспект обычно мало привлекается – по всей видимости, не случайно.

Авторы научных работ об экономике премий преимущественно используют язык описания, восходящий к работам П. Бурдьё. Премии в такой интерпретации способствуют производству и распределению символического капитала и его конвертации в капитал других типов. В частности, Джеймс Инглиш, одновременно развивая и корректируя взгляды французского социолога, в своей работе «Экономика престижа: Премии, награды и циркуляция культурной ценности» показал, что в современной культурной ситуации премии преумножают авторитет одновременно и вручающих их организаций, и награждаемых авторов⁷⁵. Премия, согласно его точке зрения, оказывается своего рода экономическим механизмом обмена: деньги благодотворителя превращаются в авторитет покровителя искусства и наук; литературный авторитет автора – в совершенно реальные награды, а влияние эксперта в культурном сообществе – в право распределять премии, обычно имеющие финансовый эквивалент, и получать призы и гонорары. В то же время литературные премии не просто обеспечивают циркуляцию капитала – они дают возможность умножать его. Этому способствуют, например, публичные скандалы и бурные обсуждения критериев, которыми руководствуются вручающие премию эксперты: дискуссия такого рода может сделать награжденного писателя более известной и влиятельной фигурой, определяющей «правила игры» в литературном сообществе. Престиж награжденного писателя частично переносится и на учредителей и экспертов, удостоивших его премии. В то же время полная приемлемость или чрезмерная скандальность распределения премий может привести к тому, что обмен капитала не будет осуществляться – в этом случае вложения в нее не окупятся за счет умножения реального или символического капитала. Таким образом, победа в конкурсе способствует не только обогащению в прямом смысле слова, но и росту собственно литературного значения участников этого процесса.

Современные литературные премии, согласно такому их пониманию, функционируют как средство конвертации и умножения реального и символического капитала, который благодаря им преодолевает границы частного и государственного, публичного и частного, литературного и внелитературного. Понятые таким образом, литературные премии составляют основу современной литературной экономики, подразумевающей постоянный обмен, который не только трансформирует одни виды капитала в другие, но и производит новый капитал буквально из ничего. В этом смысле инвестирование в премию капитала – реального или символического – до некоторой степени подобно инвестированию капитала в акции или ценные бумаги – процедуре рискованной, однако позволяющей получить больше денег, чем было внесено изначально.

Вопрос, однако, в том, насколько эта модель, опирающаяся на современные представления о литературном рынке, была способна нормально функционировать в России XIX века. Ситуация более поздних эпох предполагает возможность беспрепятственной циркуляции капитала в пределах литературного поля. В изучаемый нами период, однако, такой возможности не существовало. В работе Уваровской премии совершенно явно заметно нарастающее противоречие между двумя различными сферами, к которым можно было ее отнести: государственной властью, с одной стороны, и общественными институтами, с другой. Как представ-

⁷⁵ См.: *English J. F.* The Economy of Prestige: Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, Mass.; London: Harvard UP, 2008; ср. также исследователей, прямо ссылающихся на Бурдьё: *Kröll F.* Literaturpreise nach 1945. Wegweiser in die Restauration // *Nachkriegsliteratur in Westdeutschland 1945–1949: Schreibweisen; Gattungen; Institutionen* / Hrsg. Jost Hermand; Helmut Peitsch; *Klaus R. Scherpe*. T. 1. Berlin: Argument-Verlag, 1982. S. 143–164; *Leitgeb H.* Der ausgezeichnete Autor: Städtische Literaturpreise und Kulturpolitik in Deutschland. 1926–1971. Berlin; New York: Walter de Gruyten, 1994. Ср. попытку соединить социологический подход с антропологическими концепциями дара: *Ulmer J. S.* Geschichte des Georg-Büchner-Preises: Soziologie eines Rituals. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006.

ляется, никаких средств, которые позволили бы обеспечить свободный трансфер и конвертацию капитала через границы этих сфер, в этот период не существовало. Чтобы показать это, обратимся к «экономической» истории премии.

Награда подразумевала довольно значительный материальный эквивалент. Каждый год Уваров выделял на нее 3000 рублей⁷⁶. Половина этой суммы шла на награды для ученых-историков, половина – на премии драматургам. Вопреки возражениям академиков, Уваров требовал, чтобы премия за лучшую пьесу не разделялась и вручалась только за исключительные произведения. Таким образом, все полторы тысячи рублей должны были достаться одному автору. Эта сумма в первые годы существования премии превосходила, например, гонорары драматургов в толстых литературных журналах. 30 марта 1858 г. А. Н. Островский сообщал И. И. Панаеву, одному из редакторов журнала «Современник», что популярный драматург А. А. Потехин взял с «Русского вестника» 1200 рублей за комедию «Мишура», в которой было 4 авторских листа (см.: *Островский*, т. 11, с. 105). Речь идет о большой комедии известного писателя, опубликованной на страницах влиятельного журнала, славившегося щедрыми гонорарами (Островский намекал Панаеву, соиздателю «Современника», что желает за свои произведения получать не меньше), – однако гонорар, как видим, уступает финансовому эквиваленту Уваровской премии. Неудивительно, что Потехин подал названную выше пьесу «Мишура» на конкурс: награда была привлекательна в финансовом отношении и позволяла получить больше денег, чем публикация в журнале даже на выгодных условиях.

Вообще гонорары за публикацию пьесы были, очевидно, значительно меньше, чем за появление романа. Редактор журнала «Отечественные записки» А. А. Краевский предложил И. А. Гончарову 10 000 рублей за право напечатать «Обломова» в журнале и одновременно выпустить отдельное книжное издание⁷⁷. Позже, в первой половине 1860-х годов, А. Ф. Писемский гордился внушительным гонораром в 400 рублей за лист, полученным за роман в шести частях «Взбаламученное море», опубликованный в том же «Русском вестнике»⁷⁸. Писатель утверждал, что этих денег ему хватило, чтобы купить дом в Москве. Конечно, перечисленные романы по объему превосходят даже большую пьесу в несколько раз; тем не менее это не объясняет гигантскую разницу в гонорарах. Различие может объясняться как более значимым местом романа в системе литературы, так и возможностью получать дополнительные средства за счет постановки драматического произведения на сцене. Однако в действительности постановки пьес долгое время не могли быть хоть сколько-нибудь стабильным источником средств для драматургов: на провинциальных сценах авторские права редко соблюдались, а на столичных назначение гонорара и отбор пьес определялись театральной дирекцией, на которую было сложно оказать прямое влияние⁷⁹.

Впрочем, уже во второй половине 1860-х гг. расценки за пьесу сильно изменились. В мае 1866 г. Островский сообщал Некрасову, что готов отдать ему свою историческую хронику «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» за 1500 рублей, с другого же редактора потребовал бы 2000:

⁷⁶ В фондах Академии наук сохранились расписки бухгалтера, ежегодно получавшего эту сумму (см., например, СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1863. № 2. Л. 59).

⁷⁷ См. недатированное письмо Н. А. Некрасова И. С. Тургеневу: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 114–115. О гонорарах Гончарова в 1850–1860-е годы см.: *Вдовин А. В.* Издательская экономика Ивана Гончарова (писатель и Морское министерство) // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. С. 111–129.

⁷⁸ См.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 174. Письмо А. А. Краевскому от 21 сентября 1864 г.

⁷⁹ См., например, письмо Писемского к А. А. Краевскому от 18 декабря 1865 г. с просьбой повлиять на членов Театрально-литературного комитета, чтобы добиться постановки пьесы «Самоуправцы»: «Желаю я этого даже не из самолюбия, но чисто из-за денег...» (Там же. С. 194). См. также о гонорарах: *Федотов А. С.* Общество драматических писателей против провинциальных театров: полемика 1870-х гг. об авторских правах драматургов // Документы по истории театра в книжных и архивных собраниях: Двенадцатые междунар. научные чтения «Театральная книга между прошлым и будущим». М.: Три квадрата, 2017. С. 229–247.

...вчера приехал брат и сообщил мне, что он ни с кем не сошелся в Петербурге о моей пьесе, что он желает выждать время и может мне дать теперь за нее 2000 р. По долгом размышлении и припомнив наши с Вами разговоры, я решился отдать пьесу Вам за ту цену, которую Вы мне предлагали, т. е. за 1500 р. Только, ради бога, поскорее деньги, мне они нужны до крайности (*Островский*, т. 11, с. 224).

Речь, правда, идет об очень объемной исторической хронике в стихах, работа над которой потребовала от драматурга огромных усилий. Тем не менее видно, что гонорар за пьесу постепенно рос. Однако 1500 рублей, полагавшихся победителю Уваровского конкурса, оставались очень достойной наградой.

Уваров вкладывал в свою премию значительные средства, однако символический капитал не мог инвестироваться учредителем премии: несмотря на свои достижения на поприще археологии, он не был заметной публичной фигурой и не обладал авторитетом в литературных кругах. В обсуждениях награды в печати личность учредителя практически не упоминалась. Единственный известный случай – высказывание недовольного драматурга Е. Ф. Розена, не удостоившегося премии. Розен отозвался о награде своеобразно:

Одно имя графа Уварова уже ручалось в том, что под сению столь благохвальной патриотической знаменитости драма будет понимаема в своем высшем, чистейшем значении— и только подобная драма приличествует народу религиозному, каков русский! Идея графа А. С. Уварова – насколько она относится к *драме*, есть не только патриотическая, но и европейская, мировая!⁸⁰

Патриотизм, народность и религиозность, которые ассоциируются у Розена с личностью Уварова, свидетельствуют, что его больше интересовал отец учредителя – Сергей Уваров, создатель доктрины официальной народности.

В начале правления Александра II личность главного идеолога предыдущего царствования, со многими традициями которого новая власть стремилась порвать⁸¹, вряд ли была очень актуальна для большинства представителей литературы и общества. По всей видимости, даже Розен упомянул Уварова вовсе не из особого уважения к покойному министру, а из личных соображений. Дело в том, что драматург в свое время был лично знаком с Уваровым и, похоже, уверен, что тот его бы поддержал. Об этом свидетельствует другая публикация в «Северной пчеле». Розен участвовал в конкурсе дважды. Второй отказ в премии привел к публикации гневной заметки, на сей раз уже за подписью драматурга. Помимо нее, Розен 13 апреля 1859 г. обратился с письмом к секретарю распределявшей награды комиссии К. С. Веселовскому. Среди прочих аргументов, Розен уверенно утверждал, что его произведением «восхищался бы покойный Граф Сергей Семенович»⁸². После первой неудачи Розена в той же «Северной пчеле» появилась подписанная псевдонимом статья, автор которой прямо утверждал, что один из участников конкурса первого года познакомился с Уваровым в 1824 г. в бытность кавалерийским офицером, а его пьесы заслужили высокие отзывы Пушкина⁸³. Из участников конкурса первого года это описание, конечно, подходило только самому Розену, так что можно с уверенностью предположить, что автором и этой заметки был Розен. Таким

⁸⁰ Розен Е. Ф. Вторая неудача Уваровских наград // Северная пчела. 1859. № 7. 10 янв.

⁸¹ См., например: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 39–52.

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1858. № 2. Л. 149.

⁸³ Ноннос Панополюский <Розен Е. Ф.> Нечто о наградах графа Уварова относительно драмы // Северная пчела. 1858. 11 апр. № 79.

образом, Розен ссылаясь на Уварова не из особого почтения к покойному министру, а скорее потому, что личное знакомство с ним казалось драматургу аргументом в защиту художественных достоинств своих сочинений. Розен, видимо, придерживался архаических представлений о награде как покровительстве литератору со стороны вельможи. Однако авторитет в рамках публичной сферы приходилось искать в других источниках.

Источником престижа премии, очевидно, должна была стать Академия наук. Она, строго говоря, считалась наиболее значимой ученой организацией в России – «первенствующим ученым сословием», как было указано в ее уставе. Теоретически это учреждение должно было «первенствовать» и в литературе – за это отвечало ее Второе отделение, некогда преобразованное из Академии российской, собственно литературного учреждения, по распоряжению того самого С. С. Уварова⁸⁴. Такое положение вызывало возмущение университетских ученых, не желавших быть на вторых ролях (подробнее об этих спорах и их последствиях для премии см. главу 4). Впрочем, даже сами академики постепенно начали сомневаться в собственных возможностях. Глава Второго отделения Я. К. Грот, например, в печати заявил, что в уставе отделения «уже не было ничего такого, что бы давало ему значение литературного ареопага или блюстителя чистоты языка и вкуса»⁸⁵. Еще одна очевидная проблема Академии состояла в том, что значительная часть членов ее Второго отделения, куда входили сведущие в литературных делах академики, не жила в Петербурге и в комиссию войти не могла. В итоге решения о награждении принимались самыми разными людьми, включая, например, знаменитого химика А. М. Бутлерова (см. приложение 3).

Академия наук как государственное учреждение, наделенное очень высоким статусом и исключительными правами, практически не вступала в прямой контакт с представителями общества и закономерно вызывала среди многих литераторов и университетских ученых растущее недоверие. Если в начале периода «Великих реформ», в 1856 г., еще можно было надеяться на то, что академики смогут встроиться в охватившее российское общество стремление к обновлению, то чем дальше, тем больше возникало сомнений. Академия все больше воспринималась как абсолютно устаревшая организация, причем не в последнюю очередь из-за своего официального статуса. Упреки посыпались на Академию наук вскоре после учреждения премии: современникам казалось (и, вероятно, неслучайно), что право распределять награды, врученное официальному учреждению, свидетельствует о недоверии к литературному сообществу, «голосом» которого были толстые журналы. Это скептическое отношение прямо распространялось и на решения Академии по поводу премий. Например, со страниц журнала «Время» Н. Н. Страхов, в 1861 г. комментировавший решение Академии вручить премию Островскому и Писемскому, обрушился на подписанный неперменным секретарем Академии К. С. Веселовским отчет. Современной читающей публике и журнальной критике, определенная часть которой, по Страхову, вполне здраво судит о литературе, в его отзыве противостоит косная Академия во главе с Веселовским, неспособная оценить не только пьесу, но и научный труд:

Конечно, он <Веселовский> не станет отрицать того факта, что, например, в академиях заседают люди глубоко сведущие, а между тем стоит заглянуть в истории академий, чтобы убедиться, что очень часто новые открытия, бессмертные подвиги в науке встречались этими учеными собраниями с презрением и подвергались жестокому гонению⁸⁶.

⁸⁴ См.: Басаргина Е. Ю. Проекты академической реформы 1855–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 39–40.

⁸⁵ Грот Я. К. О Втором отделении Академии наук // Московские ведомости. 1866. № 102. 21 мая.

⁸⁶ <Страхов Н. Н.> <Рец. на:> Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб. 1860 // Время. 1861. № 2. Критическое обозрение. С. 134. Об отзыве Страхова см. также главу 3.

Академия наук, будучи государственным учреждением, вообще не должна была вступать в публичную полемику с частными лицами, а потому не могла прямо отвечать критикам. Академики имели, конечно, право участвовать в дискуссиях от своего имени (а не от имени представляемого им учреждения), однако пользовались этим правом исключительно редко, тем более что для этого им требовалось найти площадку, благодаря которой было бы возможно высказаться, – это удавалось не всегда. Так, 31 октября 1866 г. Я. К. Грот пытался добиться публикации в «Московских ведомостях» заметки о принципах принятия решения комиссией по Уваровским премиям⁸⁷. Несмотря на хорошие отношения Грота с редактором газеты М. Н. Катковым, посланный им текст напечатан не был (подробнее см. главу 4). В принципе, Академия могла попытаться подавить голоса возражающих, пользуясь своим официальным статусом, однако предпочитала так не поступать. Так, уже упомянутая статья Е. Ф. Розена вызвала вопросы у Санкт-Петербургского цензурного комитета, сомневавшегося в праве драматурга так критиковать Академию. Вопрос об этом рассматривался на общем заседании Академии 5 декабря 1859 г.⁸⁸ В результате заметка вышла со снисходительным примечанием от редакции:

Редакция получила эту статью из цензурного комитета с оговоркою, что Академия наук, рассмотрев эту статью, признала ее произведением весьма слабым и не заслуживающим никакого внимания, и по этому именно не считает нужным ни отвечать ни странные суждения автора и выходки его против Академии, ни препятствовать напечатанию его статьи⁸⁹.

Видимо, недовольство вызвала даже не столько сама по себе критика Академии наук со стороны частного лица, сколько ее резкий тон. По крайней мере, более ранняя статья Розена, в которой премия осуждалась примерно на тех же основаниях, но в значительно более завуалированной форме, вопросов не вызвала (см. выше).

Частное лицо могло инвестировать в премию реальный капитал, тогда как государственное учреждение не было способно предоставить капитал символический, который от него ожидался. По крайней мере, практически все выступавшие в печати авторы отказывали Академии в этом праве.

В условиях нехватки литературного авторитета у Академии наук символический капитал должен был поступить именно через литераторов, получавших награды. Видимо, многие участники процесса вручения именно на это и рассчитывали. Например, когда в 1860 г. на премию впервые подали пьесы влиятельные и популярные писатели, а именно Островский и Писемский, премию они получили – и это был первый случай награждения (ранее в конкурсе участвовал А. А. Потехин, однако значение его в литературе, видимо, было меньше, а пьеса в силу различных причин оказалась неприемлемой – см. главу 2). К тому же публично действующие писатели вполне могли поучаствовать и в работе комиссии. По составленному Уваровым уставу Академия имела право приглашать известных литераторов и ученых со стороны. Этим своим правом она активно пользовалась, привлекая тех деятелей, которые могли бы помочь ей принимать решения и в то же время были бы склонны ее поддержать, установив, таким образом, связи между государственной организацией и общественным мнением. В оценке поступивших на конкурс произведений участвовали влиятельные критики, популярные писатели, авторитетные ученые, среди которых были, например, И. А. Гончаров или Н. С. Тихонравов.

Несмотря на это, Академия в целом опасалась публичности и даже не оглашала списки рецензентов, благодаря чему посторонним наблюдателям (например, упомянутому выше Стра-

⁸⁷ См.: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. № 92/3. Л. 390–391.

⁸⁸ См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 96. Л. 287. Об обсуждении заметки Розена в цензурном комитете см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 49. Л. 350–350 об.; № 50. Л. 1–2.

⁸⁹ Северная пчела. 1859. № 7. 10 янв.

хову) их подбор казался абсолютно произвольным. Подчас эксперты были просто неизвестными широкой публике людьми. Например, один из критиков Академии искренне недоумевал, кто такой Н. А. Лавровский, один из приглашенных рецензентов⁹⁰. Лавровский, известный в кругах специалистов педагог и историк литературы, был на тот момент профессором Харьковского университета.

Авторитет Академии, технически говоря, был никак не связан с общественным мнением: значение этому учреждению придавал присвоенный государством статус, а вовсе не заслуги, оцениваемые представителями публичной сферы. Показательно, что академики почти ни разу не попытались объяснить публике логику своих решений. Они очень высоко ценили свою похвалу, которую воспринимали, видимо, как объективную истину, и опасались наградить нежелательного автора. В итоге премия вручалась всего четырежды. На практике такая позиция академиков приводила к результатам совершенно неожиданным: самый большой скандал произошел не из-за вручения премии, а из-за отказа ее вручать А. К. Толстому, автору трагедии «Смерть Иоанна Грозного». Это решение было воспринято как доказательство безразличия академиков к мнению публики и литературного сообщества одновременно (см. главу 4). И нежелание награждать авторов, и редкие награждения воспринимались критиками как совершенно произвольные.

Конвертация разных видов капитала в рамках деятельности премии не происходила: инвестированный в награду символический авторитет Академии наук и экспертов не удавалось получить назад, а реальный капитал не удавалось потратить. В Уваровскую награду напрямую «вкладывалась» репутация государственных институций, которая, однако, не вызывала доверия у публики: представители общества воспринимали типичную для государственного учреждения закрытую процедуру принятия решений как демонстративное пренебрежение. В итоге реальный капитал, выделявшийся на награды, буквально оставался не потрачен, поскольку практически никакую пьесу не удавалось наградить без репутационного ущерба для Академии⁹¹. В то же время символический капитал всех участников процессов награждения невозможно было аккумулировать: кого бы ни наградили премией, это решение никогда не воспринималось как доказательство справедливости суждений академиков. Таким образом, взаимообмен символического и реального капитала, лежащий в основе большинства научных описаний современных литературных премий, в случае Уваровской награды не был главным механизмом.

Уваровская премия для драматургов оказалась неэффективна как институт, обеспечивающий конвертацию разных типов капитала и позволяющий переводить их между различными сферами: литературой, государством, частными лицами и др. Причины этого заключались не только в отдельных недостатках организации или недостаточном понимании современной драматургии академиками и экспертами – сама структура поля литературы в этот период препятствовала формированию институтов литературной экономики современного типа. В России второй половины XIX века не существовало условий, в которых была бы возможна постоянная циркуляция символического капитала, подобная той, которую обеспечивают современные литературные премии. Основной проблемой здесь была принципиальная граница между государственным и общественным учреждением, препятствовавшая свободному движению ценностей и престижа: Академия наук и журналистика, например, обладали разными типами авторитета и взаимодействовали с огромным трудом.

Экономическая бессмысленность премии в условиях развития автономных институтов литературы была, по мнению Уварова, одной из главных причин ее отмены. Протицируем

⁹⁰ См.: Х. Л. Вседневная жизнь // Голос. 1866. № 286. 16 окт.

⁹¹ К моменту закрытия литературной номинации в 1876 г. академики располагали нерозданной суммой в 8957 р. 25 коп. (см.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1876. № 2. Л. 54).

фрагмент письма К. С. Веселовскому от 14 сентября 1876 г., к которому мы еще вернемся в заключении к этой работе:

Устанавливая премии за этот род произведений русской литературы, я имел в виду недостаточность поощрений, которыми они пользовались во время составления мною Положения, и скудость вознаграждения авторов драматических произведений. В настоящее время положение наших драматических писателей значительно изменилось к лучшему, и этот род произведений нашей литературы поставлен в несравненно лучшие условия, чем было двадцать лет назад. Не говоря уже о том, что самая плата авторам значительно возвысилась, они пользуются поощрением и в других видах, так, например, вознаграждением за право представления их произведений на сценах как Императорских, так и частных театров; сверх того, в учрежденных в последние годы обществах Литературного фонда и русских драматических писателей они находят в необходимых случаях поддержку и покровительство⁹².

Русская театральная литература, если верить Уварову, стала экономически достаточно независимой, чтобы не нуждаться в премии. Таким образом, награда оказалась совершенно лишней для литературной экономики – ситуация диаметрально противоположная картине, которую рисуют исследователи современных литературных премий.

Экономический неуспех премии свидетельствует не столько о неудаче ее организаторов, сколько о самих принципах соотношения экономики и литературы, господствовавших в России того времени. Если для современной литературной экономики характерно постоянное, в идеале ничем не ограниченное и свободное движение капитала, то в Российской империи середины XIX века такая модель просто не работала. В этом смысле литературные премии в России того времени могли оказаться полезными для другого – они позволяли регулировать отношения не между литературной и денежной ценностью, а между разными группами, участвующими в оценке литературных произведений. Уваровская награда, в отличие от современных премий, не предполагала тотальной коммерциализации литературного поля и оставляла многочисленные возможности для других форм взаимодействия между государством и публичной сферой, не сводимых к рыночным отношениям. Например, кризис авторитета Академии, о котором речь шла выше, мотивирован, конечно, в первую очередь причинами политическими и не может быть адекватно описан только в экономических категориях. Именно в рамках этих форм, а не современной глобальной литературной экономики, преимущественно и развивалась русская драма этого периода. Таким образом, Уваровская премия должна описываться с помощью концептуального аппарата, связанного не с экономикой, а с взаимодействием государства и общества.

В работах, посвященных публичной сфере в России XIX века, период «Великих реформ» обычно трактуется как переломный. Исследователи ссылаются, прежде всего, на такие способствовавшие формированию и развитию публичной сферы институты, как популярная печать, ограниченная цензурой в меньшей степени, чем в предыдущие десятилетия, и многочисленные организации, объединившие, например, писателей или врачей поверх их сословной принадлежности⁹³. Значимость этих институтов для исследования публичной сферы в России,

⁹² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 94. Л. 33–33 об.

⁹³ См., например, о роли прессы: Волков В. Формы общественной жизни: Публичная сфера и понятие общества в Российской

конечно, невозможно переоценить. В то же время многие современники, даже явно принадлежавшие к образованному «обществу» этого периода, скептически относились к возможностям бурно развивавшейся журналистики и пытались влиять на создание публичной сферы помимо нее. В их число входили и многие академики.

В отличие от преподавателей университетов, академики в России XIX века были практически лишены прямого контакта с относительно широкой публикой: в их официальные обязанности входили исключительно публикация научных исследований и экспертные функции, в основном связанные с реализацией государственного заказа. При этом многие члены Академии наук были не только отлично образованны, но и считали свою деятельность общественно значимой и желали оказывать влияние на публичные процессы в России. В первую очередь это относится к специалистам в области истории и филологии, которые часто были склонны воспринимать свою работу как форму служения обществу. Разумеется, невозможность воплотить это желание воспринималась ими тяжело. Так, в прошлом известный педагог и литературный критик, академик А. В. Никитенко записал в своем дневнике 27 мая 1856 г., что несколько лет пытался убедить министра народного просвещения провести либеральные реформы, в том числе «<д>ать разумное и сообразное с требованиями просвещения направление цензуре», однако «почти все это и многое другое было гласом вопиющего в пустыне. <...> министр довольствовался тем, что поговорил со мной о высших предметах – и довольно» (Никитенко, т. 1, с. 442).

Время «Великих реформ» стало для таких академиков возможностью оказать прямое воздействие на широкую публику. Сама по себе работа Академии наук в этот период не слишком изменилась: преобразования в этой организации сильно запоздали на фоне, например, введения нового университетского устава в 1863 г. (см. подробнее в главе 4). Уваровская премия, однако, давала достаточные возможности, чтобы принять участие в организации такого важного аспекта публичной жизни, как драматическое творчество.

Понятие «публичная сфера» как аналитическая категория, как представляется, применимо к истории литературных премий в России в рамках компаративного подхода к их изучению. Функции этих премий были во многом сходны с их аналогами во Франции и Пруссии – странах, где появление института литературных премий было связано с развитием публичной сферы. Типологическое сопоставление российских, французских и немецких премий может свидетельствовать о применимости к отечественному материалу категорий, используемых для анализа публичной сферы. В то же время, если рассмотреть институт литературных премий в России на западноевропейском фоне, станет возможно отчасти прояснить, в чем специфика публичной сферы в условиях Российской империи второй половины XIX века.

Основная проблема изучения литературных премий раннего периода связана с тем, каким образом в рамках этого института соотносятся государство и общество и насколько вообще можно говорить о независимом от государства функционировании премии. Как показывают исследования, в зависимости от страны и исторического периода ответы на эти вопросы могли оказываться разными.

Во Франции многочисленные литературные и научные премии стали одной из форм, в которых публичная сфера могла развиваться как альтернатива центральной власти, связанной с именем короля. Впоследствии французский образец повлиял и на другие страны Европы, хотя, разумеется, в ходе трансферов он существенно преобразался. В XVII–XVIII вв. многочисленные французские академии – преимущественно провинциальные – организовывали несколько тысяч конкурсов, в которых приняли участие от 12 до 15 тысяч человек⁹⁴.

ской империи: Дис. ... доктора философии (PhD). Кембридж, 1995. С. 158.

⁹⁴ См.: Caradonna J. L. The Enlightenment in Practice: Academic Prize Contests and Intellectual Culture in France, 1670–1794. Ithaca, NY: Cornell UP, 2012. P. 45. Далее в этом и следующем параграфах мы характеризуем историю французских литературных премий на материале этой работы. Сведения и точки зрения, почерпнутые из исследований других авторов,

Награды вручались в самых разных номинациях: за рассуждения на философские темы, научные трактаты, достижения в механике. Разумеется, премировались и авторы литературных произведений⁹⁵. Именно благодаря разного рода наградам создавались новые формы социальной коммуникации – торжественные церемонии награждения, обсуждения конкурсов в печати. В результате премии создавали исключительно демократическое, по меркам французского Старого режима, сообщество литераторов и ученых: в конкурсах принимали участие не только аристократы и представители третьего сословия (хотя они, разумеется, составляли большинство), но и самые разные люди, включая крестьян. Своеобразный демократизм существовал и в среде экспертов, набор в число которых преимущественно проводился с опорой не на их сословный или имущественный статус, а на основании авторитета в литературном и научном мире⁹⁶.

В результате французские награды оказались среди наиболее значительных институтов, обеспечивших становление сети социальных отношений, благодаря которой стало возможно европейское Просвещение. Достаточно сказать, что именно конкурс Дижонской академии открыл путь в литературу Ж.-Ж. Руссо, участие (правда, неудачное) в знаменитых Играх цветов, которые устраивала Тулузская академия, стало поводом к созданию первого значительного произведения Ж. Ф. Мармонтеля и причиной его знакомства с Вольтером. «Просвещенческая» сеть коммуникаций привела к распространению практики различных конкурсов за пределы Франции. Так, знаменитая статья И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784) была написана в ходе обсуждения, инициированного Берлинской академией по инициативе Фридриха II, стремившегося подражать французским практикам того времени.

Итак, именно благодаря литературным премиям во Франции в рамках государственных организаций постепенно формировались институты публичной сферы. Деятельность распределявших призы комиссий и экспертов, на мнение которых опирались эти комиссии, в целом не контролировалась королевской властью⁹⁷. Академики сами воспринимали свою деятельность по организации и проведению многочисленных конкурсов как служение именно обществу, а не государству⁹⁸. Постепенно премии стали настолько влиятельным институтом, что сама власть вынуждена была обратиться к этому механизму в поисках наилучшего способа реализовать некоторые свои инициативы. Таким образом, в дореволюционной Франции сформировавшаяся благодаря научным и литературным премиям публичная сфера не противостояла государству, но, напротив, пополняла корпус правительственных экспертов по различным вопросам. Интересно сопоставить французские академии Старого режима с научными обществами в Европе XIX века: как полагают исследователи, научные общества в разных странах этого периода также занимали своеобразное положение между государством и обществом⁹⁹.

Многочисленные конкурсы продолжались во Франции во время Великой французской революции, однако в этот период их влияние становится менее значительным. Это связано, в первую очередь, с намного более жестким государственным контролем, под воздействием которого свободное обсуждение общественных и политических вопросов стало невозможно¹⁰⁰.

даются со ссылками.

⁹⁵ См. исторический анализ одной из провинциальных премий, выдававшейся за поэтические произведения: *Dottelonde-Rivoallan V. Un Prix Littéraire. Le concours de la poésie à l'académie de l'Immaculée Conception à Rouen. 1707–1789. Rouen: Édition de l' Université de Rouen, 2001. Ср. также: Perrot J.-C. Les concours poétiques de Basse-Normandie (1660–1792): Anglophilie et anglophobie au XVIII e siècle // Annales historiques de la Révolution française. 1971. №. 205. P. 405–440.*

⁹⁶ См.: *Roche D. Le Siècle des Lumières en province: Académies et académiciens provinciaux, 1680–1789. 2 vols. Vol. 1. Paris: La Haye: Mouton, 1978. P. 338–340.*

⁹⁷ Ср.: *Fumaroli M. Trois institutions littéraires. Paris: Gallimard, 1994. P. 69–70.*

⁹⁸ См.: *Roche D. Op. cit. Vol. 1. P. 351–355.*

⁹⁹ См.: *Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. С. 57–74.*

¹⁰⁰ См.: *Staum M. S. Minerva's Message: Stabilizing the French Revolution. Montreal: McGill's Queen UP, 1996. P. 64–77;*

Еще менее заметной была роль премий в период после революции. Основной причиной этого оказалось постепенное возникновение других форм распространения и конкуренции в среде носителей экспертного знания по различным вопросам. Академии, особенно Королевская академия, должны были представлять «науку» вообще, а не специализированные и бюрократизированные группы ученых, которые в этот период набирали вес и влияние в научном поле¹⁰¹. Учебные заведения нового типа и научная периодика стали, в конечном счете, более эффективными формами производства и распространения знания, а появление современной, хорошо образованной и подготовленной бюрократии позволило сделать фактически ненужным обращение к академиям и тем более к широкой публике с вопросами относительно того, каким образом было бы возможно применить вновь полученное знание. В области литературы, впрочем, премии во Франции продолжали существовать и активно развиваться, а также служить предметом для подражания в других странах.

Организаторы Уваровской премии, в том числе сам Уваров, судя по всему, прямо ориентировались именно на типичное литературное состязание во Франции. Сама процедура конкурса была настолько схожа с французской, что не остается практически никаких сомнений в прямом заимствовании. Как и в России, источником средств для французских конкурсов были частные благотворители, которые финансировали награду, но практически не участвовали в организации процесса и распределении призов. Академия объявляла конкурс, оповещая о нем читающую публику через печать. Все претенденты на награду должны были представить свои сочинения, причем возможно (а подчас и обязательно) было участвовать в конкурсе анонимно. В этом случае представленная на конкурс работа обозначалась девизом, а документ с именем автора нужно было вложить в конверт, который подавался в запечатанном виде и помечался тем же девизом. Из числа своих членов академики выбирали небольшую комиссию, которая определяла победителя. К оценке представленных на конкурс произведений привлекались разнообразные эксперты, преимущественно известные в литературных и научных кругах. Все эти правила, характерные для французских конкурсов, использовались и в Уваровской премии (см. *Положение*).

Разумеется, невозможно было скопировать такой специфически французский феномен, как разветвленная сеть провинциальных академий. В российской ситуации академическая деятельность была централизована, что во многом сближало Россию с Францией не XVIII, а XIX века, когда столичные учреждения играли более значительную роль в научной жизни¹⁰². Примечательно, что Императорская академия наук в Санкт-Петербурге во многом воспроизводила свой парижский образец даже на организационном уровне. Второе отделение Французской академии, занимавшееся литературой, соответствовало Второму отделению Императорской академии, преобразованному из Академии Российской по распоряжению С. С. Уварова (в честь которого, напомним, была учреждена награда). Во Франции в начале XIX века именно Второе отделение зачастую должно было выдавать призы за литературную деятельность. В качестве примера можно привести конкурс премий за лучшую таблицу, отражающую достижения французских писателей предыдущего, XVIII, столетия¹⁰³. Конкурс, впрочем, окончился принципиальным спором среди академиков, неспособных выработать общее мнение

см. также: *Van de Sandt U.* Institutions et concours // *Aux Armes, et aux arts: Les arts de la Révolution, 1789–1799.* Paris: A. Biro, 1988. P. 138–165.

¹⁰¹ См.: *Hahn R.* The Anatomy of a Scientific Institution: The Paris Academy of Sciences, 1666–1803. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1971.

¹⁰² В Париже функционировал Французский институт в составе пяти академий (Французская академия, Академия наук, Академия надписей и изящной словесности, Академия моральных и политических наук и Академия художеств), каждая из которых хотя бы иногда занималась выдачей наград (см.: *Козлов С. Л.* Имплантация: Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 86–110).

¹⁰³ См.: *Mortier R. le.* Le «Tableau littéraire de la France au XVIIIe siècle». Un épisode de la guerre philosophique a l'Académie Française sous l'Empire (1804–1810). Bruxelles: Palais des Académies, 1972.

относительно оценки авторов-просветителей. В этом случае параллели с российским учреждением вряд ли могут быть случайными: академики должны были выдать 1500 франков награды и золотую медаль автору лучшего сочинения; в России награда составляла 1500 рублей, а золотая медаль вручалась автору лучшего экспертного отзыва¹⁰⁴.

Аналогий с французскими премиями в случае российской награды недостаточно – для понимания некоторых механизмов функционирования Уваровской премии необходимо сопоставить ее с литературными конкурсами в Пруссии и Австрии. Современники, вообще не склонные воспринимать Уваровскую премию в широком контексте, обратили внимание именно на параллели с немецкими наградами. Е. Ф. Розен ставил академиком в пример конкурс трагедий в Мюнхене, проводившийся по случаю открытия местного театра. Ссылаясь на «Аугсбургскую общую газету», Розен акцентировал исключительное внимание, проявленное немецким жюри к пьесам. На конкурс поступило 102 трагедии, по прочтении которых отложили 19 пьес, отличавшихся «прекрасными стихами и живописностью действия», из них 9 оказались «достойными тщательного исследования и изучения». Далее специальная комиссия тщательно рассмотрела эти произведения. Розена, судя по всему, особенно раздражало отсутствие публичности: русская комиссия, в отличие от немецкой, отзывов не печатала. В то же время драматургу, видимо, хотелось увидеть в печати похвальный разбор своей пьесы:

О каждой из тех девяти пьес комиссия отдает образцовый отчет, кратко и ясно означая идею, содержание, архитектуру, драматический ход, отличительные свойства и наконец то, чего недостает; но этот недостаток, вынужденный тончайшим чувством критическим, почти исчезает перед классическими, ярко выставленными достоинствами, так, что каждый из этих девяти конкурентов мог принять такую оценку за лестный похвальный отзыв¹⁰⁵.

Интересным образом русский критик не упомянул еще одну существенную особенность конкурса в Мюнхене – значимую роль в этой процедуре государства. Мюнхенский театр, о котором шла речь в статье, – это, по всей видимости, придворный Резиденцтеатр, существовавший с XVIII века и вновь открытый в 1858 г. по повелению короля Баварии Максимилиана II. В описании Розена, однако, немецкое награждение выглядит как триумф автономной литературы, не зависящей ни от какой правительственной власти и связанной с виртуозной работой рационально мыслящих и критически настроенных представителей независимого общества – именно того, что Хабермас описывал как «буржуазную публичную сферу». Впрочем, некоторая доля правды в словах Розена была. Награждение в Мюнхене не входило в число регулярных и значимых событий в литературной жизни немецких стран. Оно относилось к очень распространенному в немецких государствах типу специальных конкурсов для драматургов, которые могли проводиться при театрах и без прямой государственной инициативы или поддержки¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Mortier R. *le. Op. cit.* P. 19.

¹⁰⁵ Розен Е. Ф. Вторая неудача Уваровских наград // Северная пчела. 1859. № 7. 10 янв.

¹⁰⁶ См.: Knöfler M. Die Schmach dieser bauernfeld preisgekrönten Zeit. Literaturpreise // Literarisches Leben in Österreich. 1848–1890 / Hg. Kl. Amann, H. Lengauer, K. Wagner. Wien: Böhlau Verlag, 2000. S. 272.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.